

Материалы секции
СОЦИОЛОГИЯ

22-27 апреля 2018
НОВОСИБИРСК

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МНСК-2018

СОЦИОЛОГИЯ

Материалы
56-й Международной научной студенческой конференции

22–27 апреля 2018 г.

Новосибирск
2018

УДК 31
ББК 60.5я431
С 69

Научный руководитель секции —
канд. социол. наук, доцент Т. Ю. Черкашина
Председатель секции — д-р экон. наук, проф. Г. М. Мкртчян

Ответственный секретарь секции — И. А. Бородихина

Экспертный совет секции:
канд. социол. наук, доцент Т. Ю. Черкашина
Т. Д. Алексеев
канд. социол. наук, доцент Т. Ю. Богомолова
канд. экон. наук, доцент Е. Е. Горяченко
канд. социол. наук О. Г. Ечевская
В. В. Иванова
канд. экон. наук, доцент С. Д. Капелюк
С. В. Коржук
канд. социол. наук К. В. Малов
д-р социол. наук, доцент А. Р. Михеева
канд. социол. наук Н. Л. Мосиенко
Е. А. Чернышова
канд. социол. наук И. А. Чудова

С 69 Социология : Материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф.
22–27 апреля 2018 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ НГУ,
2018. — 96 с.

ISBN 978-5-4437-0757-0

УДК 31
ББК 60.5я431

ISBN 978-5-4437-0757-0

© СО РАН, 2018
© Новосибирский государственный
университет, 2018

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSC-2018

SOCIOLOGY

Proceedings
of the 56th International Students Scientific Conference

April, 22–27, 2018

Novosibirsk
2018

УДК 31
ББК 60.5я431
С 69

Section scientific supervisor — Cand. Sociol., Assoc. Prof. T. Ju. Cherkashina
Section head — Dr. Econ., Prof. G. M. Mkrtchan

Section responsible secretary — I. A. Borodikhina

Section scientific committee:

Cand. Sociol., Assoc. Prof. T. Ju. Cherkashina

T. D. Alekseev

Cand. Sociol. T. Yu. Bogomolova

Cand. Econ. E. E. Goryachenko

Cand. Sociol. O. G. Echevskaya

V. V. Ivanova

Cand. Econ. S. D. Kapelyuk

S. V. Korzhuk

Cand. Sociol. K. V. Malov

Dr. Sociol. A. R. Mikheeva

Cand. Sociol. N. L. Mosienko

E. A. Chernyshova

Cand. Sociol. I. A. Chudova

С 69 Sociology : Proceedings of the 56th International Students Scientific Conference. April, 22–27, 2018 / Novosibirsk State University. — Novosibirsk : IPC NSU, 2018. — 96 p.

ISBN 978-5-4437-0757-0

УДК 31
ББК 60.5я431

ISBN 978-5-4437-0757-0

© SB RAS, 2018

© Novosibirsk State University, 2018

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 316.334.3

Политика репрезентации инвалидов: люди с ограниченными возможностями в социальном пространстве города

М. А. Рябова

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Социальная политика государства в отношении людей с ограниченными возможностями (ОВ) — важный показатель развития общества. Особо значимым элементом здесь является политика репрезентации инвалидов, рассматриваемая с позиций как людей с ОВ, так и граждан, не имеющих инвалидности. Особенное значение она получает в сложном и насыщенном рисками социальном пространстве города.

В ходе социологического исследования, проведенного автором в апреле 2017 года среди лиц с ОВ (100 чел.), был выделен ряд проблем, значимых для людей, имеющих инвалидность и проживающих в г. Новосибирске.

Наиболее существенными для респондентов оказались пространственные ограничения, среди которых особо отмечены отсутствие / невозможность использования пандусов (68 %), недоступность общественного транспорта (50 %), отсутствие съездов на тротуарах (48 %). Трудности вызывает посещение небольших продуктовых магазинов (46 %), административных зданий (44 %), учреждений досуга (32 %), пунктов приема оплаты ЖКХ (24 %), образовательных учреждений (24 %) и аптек (22 %).

Также выделена проблема доступности образования, трудоустройства и включения в коллектив. 42 % опрошенных отметили наличие ограничений в получении высшего образования, 54 % видят серьезные трудности при трудоустройстве (причем 62 % неработающих трудоспособных респондентов заинтересовано в получении работы). Сфера дополнительной занятости существенно ограничена для 92 % опрошенных.

Более половины ответивших (62 %) отметили недостаточность социальной поддержки людей с инвалидностью. Также выделены проблемы стигматизации инвалидов и отсутствия культуры общения здоровых и людей с инвалидностью (56 %), равнодушия окружающих и отсутствия заинтересованности в решении проблем людей с инвалидностью (94 %).

Для оценки взглядов горожанна проблемы лиц с ОВ проведен контент-анализ материалов сайта НГС Новосибирск, посвящённых людям с ОВ. Изучено 225 комментариев, касающихся проблем людей с ОВ. Можно отметить тот факт, что отношение здоровых людей к инвалидам является достаточно амбивалентным: в комментариях большинство людей занимает нейтральную позицию, но в некоторых случаях в отношении к одному и тому же новостному материалу отмечено как отрицательное, так и положительное, уважительное отношение к людям с ОВ.

Многие комментирующие отмечают различные проблемы, касающиеся данной категории граждан, и говорят о необходимости их разрешения. Эти проблемы могут быть поделены на две основные группы: отсутствие культуры общения с людьми с ОВ и их близкими и отсутствие условий для жизни данной группы населения.

Проблемы, указанные в рамках первой группы, составляют меньшую долю поднимаемых на НГС проблем, касающихся людей с ОВ в пространстве г. Новосибирска. Наиболее значимыми оказались: непонимание особенностей жизненного уклада людей с ОВ (11 %) равнодушие окружающих по отношению к людям с ОВ (7 %), нежелание думать о том, что рядом живут люди с ОВ, проблема «незаметных инвалидов» (4 %), проблема социальной изоляции людей с ОВ и негативизм по отношению к ним (4 %). Также жители Новосибирска отметили проблему восприятия людей с ОВ (наиболее точная формулировка была представлена в одном из комментариев: «Инвалидность не всегда видна глазами»). Кроме того, выделены отсутствие моральной поддержки людей с ОВ со стороны окружающих, проблема толерантного отношения к людям с ОВ и бестактности, страх взаимодействия с людьми с ОВ.

Вторую группу составили проблемы, связанные с условиями жизни людей с ОВ и заинтересованностью общества в решении их проблем. Наиболее значимыми оказались такие проблемы, как недоступность среды (12 %), отсутствие реальной помощи (помощь «напоказ») (10 %), незаинтересованность чиновничьего аппарата в решении проблем людей с ОВ (9 %), неразвитость инфраструктуры, приспособленной для людей с ОВ (8 %), непригодность условий для полноценной жизни человека с ОВ (8 %). Также были подняты проблемы, связанные с отсутствием должного контроля за соблюдением прав людей с инвалидностью, материальная необеспеченность, неработоспособность действующих законов и их оторванность от реальности, проблема представления образа человека с ОВ в позитивном ключе.

При сравнении обеих позиций можно отметить пересечение взглядов посетителей сайта НГС и людей с ОВ относительно наиболее значимых проблем. Формирование продуктивных моделей взаимоотношений между людьми с ОВ и здоровыми гражданами — важный аспект социальной политики. Тесное сотрудничество обеих групп и государственных органов — необходимый фактор, способствующий разрешению указанных проблем и дающий основание полагать, что условия жизни на данной территории комфортны для всех групп населения.

Научный руководитель — канд. социол. наук, доцент О. В. Арлашкина

**«Этнические» рынки и мобильности:
механизмы трансформации городской среды**

Д. Е. Брызгина

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Для многих городов Сибири и Дальнего Востока неотъемлемой составляющей их жизни и пространства являются «этнические» рынки. Более двадцати лет они существуют в городах не только как объекты оптово-розничной торговли, но и как важнейшие элементы городской инфраструктуры. В этом качестве рынки функционируют как место экономического обмена и торговли, межличностных контактов и общения людей; являются останочными пунктами общественного транспорта и т. д. Иными словами, «этнические» рынки встраиваются в различные системы городских отношений и оказываются включенными не только в повседневную жизнь, но и в структуру города.

Организация жизни в современных городах предполагает все большую зависимость от ежедневных перемещений и транспортной инфраструктуры.

В этом смысле одним из измерений многомерного пространства города выступает система маршрутов, которая определяет эти перемещения и поведенческие практики горожан. «Этнические» рынки, с этой точки зрения, представляют собой наиболее динамичный элемент городской жизни, в котором сходятся многочисленные торговые и социальные сети, а также транспортные потоки. Рассмотрение «этнических» рынков в контексте системы городского общественного транспорта позволит определить, какое влияние рынки оказывают на траектории и способы движения людей по городу; особенности и характер их взаимосвязей с системой городских мобильностей, а также их роль в пространственных трансформациях города.

В основе исследования лежит теория мобильности Джона Урри. Особо значимым для данного исследования представляется концепт пространственной мобильности, который Дж. Урри определяет, прежде всего, как повседневные физические перемещения, включающие в себя различные транспортные системы, материальные инфраструктуры и средства передвижения. Система городских мобильностей формирует многообразные сети и потоки, обеспечивающие взаимосвязи между всеми частями города и определяющие его пространственную организацию. Кроме того, физическая мобильность составляет основу образа жизни людей, поскольку не только задает траектории и маршруты их движения в пространстве, но и способы его обживания, существования в городе.

Исследование построено на основе полевых наблюдений, проведенных в 2014–2016 гг. в Иркутске. Анализ транспортной системы города включает данные, полученные в результате проведения полужформализованных интервью с посетителями рынка и картографирования маршрутов общественного транспорта.

Исследование показало, что распространение «этнических» рынков в пространстве города формирует определенную структуру, неформальную сеть, охватывающую все внутригородские территории и районы. Рынки в этой системе выступают в качестве узлов коммуникации и взаимодействий, соединение которых обеспечивается особыми каналами, воплощенными в городских мобильностях. Взаимосвязь двух этих систем обусловлена тем, что деятельность рынков как экономических объектов напрямую зависит от привлечения покупателей и возможности осуществления встреч «лицом к лицу», которые обеспечиваются благодаря мобильностям.

Тесная взаимосвязь «этнических» рынков с мобильностями способствовала их встраиванию в транспортную инфраструктуру города. В результате рынки стали не только местом встречи и экономического обмена, но и элементом мобильных систем города, в рамках которых они играют роль особых локальностей, притягивающих большие потоки людей и узлов соединения различных каналов мобильностей.

Транспортные потоки, пересекающиеся в районе размещения «этнических» рынков, формируют единую систему, в которую включены даже самые удаленные районы города. Более того, они способствуют ее расширению. Развитие рынков сопровождается появлением новых мобильностей, которые служат механизмом вовлечения новых территорий в систему городских отношений, определяющим векторы пространственного развития как отдельных районов, так и города в целом. Регулярность поездок и посещения рынков обеспечивает дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры и устойчивость происходящих изменений. Иными словами, «этнические» рынки в контексте этих процессов становятся точкой «сборки» городского пространства.

Превращение рынков в городскую инфраструктуру, включенную в систему мобильностей, не только особенным образом структурирует пространство города, но и реформатирует сущность мобильных практик, главной особенностью которых становится гибридность. Многообразные комбинации способов и траекторий перемещения, различных видов транспорта, опыта взаимодействия с пространством задают основу сетевой структуры и социальных отношений города. В результате одним из главных контекстов городского развития становится гибридизация его пространства, обеспечиваемая и протекающая в структурах мобильности.

Научный руководитель — д-р социол. наук, доцент К. В. Григоричев

Джентрификация публичных городских пространств (на примере города Новосибирска)

В. А. Чубаров

Новосибирский государственный университет

На сегодняшний день джентрификация, понимаемая как изменение отдельных зданий или целых городских кварталов в архитектурном, экономическом и социальном плане, остается актуальным и противоречивым процессом, который был впервые зафиксирован в Великобритании, а на данный момент активно продолжает развиваться в российских городах, в том числе в Новосибирске.

Джентрификация происходит исключительно в городском пространстве и затрагивает жителей города, меняя вокруг них архитектуру и городское устройство, превращая, к примеру, старые промышленные зоны в новые публичные пространства. У этого процесса наблюдаются значительные последствия для городской среды, и многие исследователи до сих пор не могут определить его позитивный или негативный эффект для города и его жителей [1].

В процессе джентрификации можно выделить несколько этапов, каждый из которых обладает временными рамками и характеризуется определенным набором изменений для города [2]. В соответствии с использованной в исследовании классификацией было выделено четыре этапа: «пионерская» джентрификация (начальный этап), расширенная джентрификация (усложненный вариант начального этапа), жилищная джентрификация (промежуточный этап), «взрослая джентрификация» (завершающий этап).

Начальный этап джентрификации характеризуется возникновением на месте старых промышленных зданий новых общественных пространств, направленных на активизацию творческой жизни горожан. Чаще всего такими объектами становятся лофты, которые привлекают тех, чей главный экономический актив — это творческий продукт (художники, фотографы, тагу-мастера, руководители мастерских по hand-made и т. д.). Именно возникновение лофтов и, соответственно, возникновение нового публичного пространства считается отправной точкой для запуска процесса джентрификации.

Объект нашего исследования — джентрификация городских пространств. Цель исследования заключается в определении и описании последствий джентрификации пространств, которые в результате этого процесса становятся публичными.

Информационная база исследования включает данные о характеристиках территорий вокруг объектов, выбранных для исследования, материалы полужформализованных интервью с владельцами объектов и резидентами лофтов,

а также материалы наблюдений на мероприятиях, организованных в лофтах.

Картографический анализ, выполненный с помощью сервиса 2GIS, позволил выявить территориальные характеристики лофтов: каждый из них обладает высокой транспортной доступностью, а также расположен относительно близко по отношению к центру города. Каждый из лофтов стремится улучшить окружающую его территорию самостоятельно, предлагая парковочные места как для автомобилей, так и для велосипедов, однако дальнейшее улучшение окружающего пространства не ведется или не находится в их планах. Анализ карты позволил определить список объектов, окружающих лофты на разном расстоянии.

Руководство лофтов ориентировано на тех людей, которым интересно творчество и все, что с ним связано, однако каждый руководитель хочет видеть в своем пространстве людей с разным достатком. Для этого они стараются улучшить пространство вокруг себя, чтобы привлечь более состоятельных посетителей. Лофты также принимают во внимание и возраст своих посетителей: некоторые работают на школьников и студентов, другие — на молодежь до 30 лет, а третьи — на тех, у кого уже есть семья и дети, стараясь не выделять доминирующую возрастную категорию среди посетителей, стремясь организовывать мероприятия для людей разных возрастов. Для своих арендных площадок руководство лофтов ждет тех людей, которые будут разделять их ценности и взгляды на работу.

Большая часть арендаторов помещений в подобных постройках чувствует, что причастна к общему делу благодаря тому, что именно здесь арендует помещение под свой магазин или творческий клуб, хотя при этом отмечает, что им не хватает потока людей, так как пространство работает недавно или же не прилагает никаких усилий для рекламы или выстраивания коммуникации с аудиторией.

Основным ресурсом у лофтов можно назвать публичность, так как посетитель может зайти туда без платы за вход и найти для себя не только нужный товар или услугу, но и увидеть новую выставку, показ фильма или выступление танцевального коллектива.

1. *Beauregard R. A.* The chaos and complexity of gentrification. 1986. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:441507/FULLTEXT01.pdf>.

2. *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 519 с.

3. *Moskowitz P.* How to kill a City (Gentrification, Inequality, and the Fight for the Neighborhood). Nationbooks, 2017. 272 с.

Научный руководитель — канд. социол. наук Т. Ю. Черкашина

**Метрополитен как часть транзитивного пространства города:
структура, нормы поведения и мотивы использования**

П. А. Носкова

Новосибирский государственный университет

Суть работы состоит в изучении норм поведения и деятельности метропользователей как фактора социальной структуризации пространства метрополитена. Используя теории о социальном действии (М. Вебер и Т. Парсонс) и нормативном порядке Т. Парсонса мы выявляем мотивы, правила социального поведения и нормативный порядок, которые дифференцируют поведение метропользователей в различных структурных зонах метро.

«Одной из важнейших составных частей города является так называемое транзитное пространство. <...> С одной стороны, это физическое пространство. <...> Физическое транзитивное пространство измеряется чаще всего в километрах, отделяющих одну его точку от другой. <...> С другой стороны, это социальное пространство, состоящие из взаимоисключающих или различающихся социальных позиций» [1]. Т. е. под социальным транзитивным пространством понимаются позиции пешеходов, водителей, а также работников транспорта, которые обслуживают и организуют перемещение людей из одной точки в другую [1].

Изучением физического и социального пространств занимались многие авторы: П. Бурдьё, Г. Зиммель, Э. Гидденс, И. Гофман и др. Пьер Бурдьё говорит, что «социальное пространство — абстрактное пространство, конструированное ансамблем подпространств или полей, которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала <...>» [2].

О. Запорожец утверждает, что метро является транзитным пространством. «В исследованиях метро чаще всего представлялось как место, в котором проявлялись универсальные логики взаимодействия (например, общие моральные принципы, гендерные или расовые установки)» [3]. «Социальное действие — это нечто, ограниченное временем и пространством, как бы клетка, ячейка или даже точка, оказывающаяся, однако, центром, в котором пересекаются все взаимодействия таких крупных структур, как общество, личность и культура» [4]. Пространство метро — это особого рода социальное пространство со своей структурой и со своими формальными и неформальными правилами и нормами поведения.

Таким образом, объект исследования — метрополитен как часть транзитивного пространства города. В качестве предмета исследования выступают поведение и деятельность метропользователей как фактор конструирования социальной структуризации пространства метрополитена. Цель исследования

заключается в том, чтобы выявить дифференциацию поведения метропользователей в структуре пространства метрополитена. Основная гипотеза исследования строится на предположении о том, что существуют определенные основания (мотивы, структуризация пространства метрополитена, стандарты социального поведения, нормативный порядок и т. д.), которые дифференцируют поведение метропользователей в различных структурных зонах метро.

Эмпирический объект исследования — метропользователи, которые имеют частый (от трех-четырёх перемещений в неделю) опыт перемещений с помощью метро. Методами сбора данных служат включенное наблюдение в различных пространствах метро (вход / выход, пространство покупки жетонов, турникеты, эскалатор, платформа ожидания поезда, вагон метро и т. д.) за поведением метропользователей и интервью с некоторыми из них.

Так, нами был разработан инструментарий для проведения наблюдения и интервью и проведен пилотаж. Была выявлена структура пространства метрополитена, выяснено, каким образом происходит социальная структуризация метрополитена, что влияет на формирование социальной структуризации пространства метрополитена (какие элементы) и как различается поведение метропользователей в зависимости от того социального пространства метро, в котором они находятся.

1. *Ильин В. И.* Социальная структуризация в транзитивном пространстве российского мегаполиса / В. И. Ильин // Мир России. 2010. № 1. С. 89–125.

2. *Бурдые П.* Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 2007. С. 49–64.

3. *Запорожец О.* Открытие метропользователя: антропология городской подземки. Серия: WP6 Гуманитарные исследования. [Электронный ресурс]: препринт WP6/2013/07; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

4. *Чеснокова В.* Толкотт Парсонс. Попытка создания общей теории // Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ, 2009. 143 с.

Научный руководитель — В. В. Иванова

Принятие управленческого решения по развитию городского пространства на основе результатов социологических исследований

Ю. С. Сероштантова

Сибирский государственный университет путей сообщения

Развитие городской инфраструктуры Новосибирска является динамичным процессом, в котором принятие управленческих решений осуществляется в условиях столкновения интересов отдельных групп населения и экономических объектов.

В Калининском районе города Новосибирска в 2017 г. был введен в эксплуатацию пешеходный мост, соединяющий улицы Танковую и Овражную для более быстрого и безопасного перемещения жителей к объектам городской инфраструктуры. Однако эксплуатация моста была прекращена, так как жители двух жилых домов высказались против организации транзитного прохода через их придомовую территорию пешеходов, следующих с моста. С целью принятия управленческого решения в условиях конфликта интересов граждан мэрия Новосибирска провела три общественных слушания различных вариантов управленческих решений. Студентами и сотрудниками ИЭФ СГУПС при непосредственном участии автора были проведены два социологических исследования общественного мнения граждан по данной проблеме.

Цель исследования — обосновать вариант управленческого решения по развитию городского пространства в ограниченном районе Новосибирска на основании данных социологических исследований.

Для достижения цели были поставлены и решены ряд задач: обработка данных социологических исследований общественного мнения, анализ полученных результатов с использованием множественных выборок, критическое исследование результатов и их репрезентативности, обоснование варианта управленческого решения.

Первое социологическое исследование [1] было проведено в апреле 2017 г. среди жителей микрорайона № 1, непосредственно прилегающего к проектируемому мосту и состоящему из пятиэтажных жилых домов 1960-х годов постройки. Исследование проводилось методом опроса случайно следующих по микрорайону граждан. Было опрошено 214 совершеннолетних граждан разного пола и возраста. Респонденты единогласно заявили, что мост им необходим, но указали разные конечные цели желаемого следования по мосту: детская поликлиника, отделение Пенсионного фонда РФ, школа, детский и подростковый клубы, проход к значимой остановке общественного транспорта для дальнейшего проезда к месту работы или учебы граждан.

Второе социологическое исследование было проведено в декабре 2017 г. среди жителей микрорайона № 2, прилегающего микрорайону № 1 и состоящему из многоквартирного дома, введенного в эксплуатацию в 2016 г. (новостройка). Исследование проводилось методом анонимного анкетного опроса, предложенного 50 % жителей. Из них согласились стать респондентами 19 % жителей. Возрастной состав респондентов был следующий: 69 % — 18–35 лет, 26 % — 35–50 лет и 5 % — старше 50 лет.

В ходе исследования респондентам предоставлялась возможность одновременного выбора нескольких вариантов ответа на вопрос: «Кому нужен пешеходный мост?». Вариант «мост необходим большинству жителей микрорайон» выбрали 89 % респондентов, «мост нужен лично мне» — 76 %, «мост никому не нужен» — 0 %. Уточняющий вариант «мост нужен несовершеннолетним и их родителям» выбрали 52 % опрошенных, «мост нужен престарелым гражданам» — 39 %. Отмечено, что 24 % респондентов озвучивают, что мост нужен большинству жителей микрорайона, хотя им лично мост не нужен. Возникает проблема интерпретации результатов исследования, так как в основе ответа может лежать заблуждение или трансляция навязанного общественного мнения.

Также в ходе исследования респонденты могли выбрать несколько вариантов конечной цели пешеходных потоков через мост или указать свой вариант, что позволяло определить социальную значимость объекта.

В качестве варианта ответа около 30 % респондентов предложили «быстрый проход к метро», что говорит о внимании опрашиваемых к проблеме сокращения времени на транспортное перемещение в условиях городской среды Новосибирска. В качестве конечной цели перемещения пешеходов через мост были выбраны социально значимые объекты (85 %), и перемещение к месту работы (65 %).

Комплексный анализ результатов двух социологических исследований позволил сделать вывод, что в пешеходные потоки через проектируемый мост вовлечено 87 % жителей микрорайона № 1 и 30 % жителей микрорайона № 2, в том числе социально незащищенные слои населения, что говорит о высокой значимости данного элемента городского пространства. Таким образом, несмотря на конфликт интересов граждан, на основе результатов социологического исследования обосновано принятие управленческого решения об установлении публичных сервитутов на земельные участки с целью организации сходов с моста для обеспечения интересов местного населения.

1. *Волкова О. Ю., Прохоров И. С.* Исследование причин маятниковых миграций городского населения, проживающего в ограниченных микрорайонах // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. статей XII Международной научно-практической конференции : в 4 ч. Ч. 2. Пенза, 2017. С. 157–160.

Научный руководитель — канд. экон. наук, доцент О. Ю. Волкова

Сельско-городская миграция молодежи Новосибирской области

Н. Л. Юферова

Новосибирский государственный университет

На современном этапе развития нашей страны происходит опустение сельских поселений: люди переезжают в города, оставляя свои дома и свое хозяйство. При этом увеличение числа населения городов влечет за собой сосредоточение всех ресурсов внутри города, что вызывает упадок производства, сельского хозяйства и других проблем на периферии. Одной из проблем села является массовый миграционный отток молодежи в города, основу которого составляет молодежь в возрасте от 15 до 35 лет. Процесс принял массовый характер, имеет серьезные негативные демографические последствия, так как именно молодежь является наиболее трудоспособной и грамотной частью населения, на нее приходится три четверти рождений детей.

Основные мотивы миграции молодежи из сельских поселений в города — это получение образования, поиск работы, призыв в армию и др. В свою очередь большое количество молодежи уезжает в города для получения высшего и средне-профессионального образования, после чего они не возвращаются как в свои сельские поселения, так и на территории других сельских поселений. Поэтому выявление мотивов «безвозвратной» потенциальной сельско-городской миграции населения и, в частности, молодежи на современном этапе поможет обосновать миграционную политику государства, реализация которой может изменить сложившуюся ситуацию и сократить отток молодежи.

К сожалению, на данный момент на сельских территориях не всегда созданы условия для развития как малого бизнеса, так и для создания крупного производства, которое обеспечило бы дополнительные рабочие места.

Осуществление данных преобразований невозможно без выявления мотивов безвозвратной потенциальной миграции молодежи. Следует отметить, что процесс безвозвратной миграции сельской молодежи вызван тем, что на сегодняшний день крупный город в России предоставляет молодежи большие возможности социально-экономической реализации, чем село.

Растущая миграция молодежи из села в город является острой проблемой особенно для Новосибирской области, в которой город Новосибирск выступает сильнейшим магнитом как для молодежи из Новосибирской области, так и для молодежи из близлежащих регионов. По данным Федеральной службы статистики по Новосибирской области, разница между численностью городских и сельских жителей неуклонно продолжает увеличиваться. Для большинства молодых людей миграция в крупные города является без-

возвратной, поскольку многие не видят для себя перспектив занятости и повышения квалификации в сельской местности.

Мы предполагаем, что мотивы миграции молодежи в основном имеют экономическую направленность. Поэтому улучшение условий экономической деятельности на селе будет способствовать привлечению некоторой части городской молодежи в сельскую местность, а также увеличению доли возвратной миграции сельской молодежи. Эти процессы усилят экономику сельской местности, улучшат «имидж» сельской территории в глазах российского населения. Результатами исследования служит выявление как экономических, так и других мотивов потенциальной безвозвратной миграции молодежи, а также дифференциация мотивов потенциальной безвозвратной миграции.

Особое внимание в исследовании уделено анализу следующих категорий: возможность безвозвратного переезда из села в город; перспективы занятости в сельской местности и в городе; степень удовлетворенности условиями проживания в городе и сельском населенном пункте, качеством образовательных, медицинских, жилищно-коммунальных услуг и товарной номенклатурой; факторы «притяжения-выталкивания» из села в город; финансирование переезда и поддержка в городской местности; желание учиться и работать на новом месте; потенциальная готовность вернуться; социально-экономическое положение семьи; условия возвращения в сельскую местность.

Таким образом, исследование мотивов потенциальной безвозвратной миграции молодежи служит хорошим инструментом для понимания необходимых векторов развития миграционной политики как отдельного региона, так и страны в целом.

Научный руководитель — д-р социол. наук, проф. З. И. Калугина

Миграционные биографии жителей моногорода (на примере города Междуреченск)

О. А. Руш

Новосибирский государственный университет

В последние десятилетия внимание многих исследователей из таких областей, как география, экономика, социология привлек феномен монофункционального города — города, в котором преобладающее значение имеет какой-то один доминантный вид деятельности и тесная взаимосвязь жизнедеятельности города и градообразующего предприятия [1].

Сегодня большинство монофункциональных городов столкнулось с острыми проблемами и трудностями их преодоления. Дело в том, что в большинстве своем монофункциональные города в нашей стране создавались и развивались при колоссальной поддержке со стороны государства, и после распада Советского Союза в условиях рыночной экономики продукция, производимая в этих городах, оказалась неконкурентной. Ввиду узкой специализации это привело к целому спектру социальных проблем: от плохого благоустройства города до миграции населения (по большей части молодежи) в более крупные и многофункциональные города. В связи с этим встает вопрос: за счет кого пополнялось население монофункциональных городов во времена Советского Союза и за счет кого оно пополняется сейчас? Чем подобные города были привлекательны в то время и чем они привлекательны сейчас? Только ответив на эти вопросы, можно выстраивать дальнейшие программы по развитию этих городов.

Объектом нашего исследования стали миграционные биографии жителей моногорода, предметом — дифференциация миграционных биографий жителей моногорода в зависимости от восприятия городской среды.

Здесь следует пояснить, что же такое миграционные биографии. Согласно З. Т. Голенковой, миграционные биографии представляют собой сложные конструкты, соединяющие в себе весь миграционный опыт индивида вместе с рядом внешних параметров и характеристик [2]. В данном исследовании под миграционными биографиями мы будем понимать как пространственные перемещения индивида на протяжении жизненного пути, так и восприятие им места жительства, мотивацию его сохранения или изменения. Цель работы заключается в том, чтобы выявить типы миграционных биографий людей, за счет которых пополнялось и пополняется население моногорода.

В качестве стратегии исследования использована case study. Исследовательским кейсом является город Междуреченск (Кемеровская область), в котором преобладающим видом деятельности является добыча полез-

ных ископаемых. В классификации моногородов он относится ко второму типу — город с имеющимися рисками ухудшения социально-экономического положения. Несмотря на то, что Междуреченск включен в Новокузнецкую агломерацию и связан с другими городами области, город довольно самостоятелен и сталкивается с большинством проблем, свойственных монофункциональным городам на территории Российской Федерации.

Информационную базу исследования составляют биографические интервью с мигрантами с акцентом на восприятии городской среды. При формировании выборки были выделены несколько групп мигрантов по таким критериям, как предыдущее место жительства (Кемеровская область, другие регионы России или страны СНГ), а также время, когда был совершен переезд в город (в советский период, переходный период в 90-е гг. и настоящее время). Дополнительным источником стали данные социологического опроса, проведенного в г. Междуреченске в 1998 году, содержащие информацию о миграционном опыте жителей города.

В результате исследования выявлены мотивы переезда и закрепления в нем, различающиеся в зависимости от периода миграции в монофункциональный город. Так, например, по данным 1998 года, преобладающими мотивами переезда в город выступали наличие работы и родственных связей в нем.

Кроме того, получен спектр миграционных биографий, разработана аналитическая схема для их описания и выявлена связь между восприятием и привлекательностью города.

1. *Лаппо Г. М.* Города России. Взгляд Географа / Лаппо Г. М. М.: Новый хронограф, 2012.

2. *Голенкова З. Т.* Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян / Т. З. Голенкова, П. Е. Сушко // Социологические исследования. № 12, 2016.

Научный руководитель — канд. соц. наук, доцент Н. Л. Мосиенко

Мотивы образовательной миграции иностранных студентов в Сибирь

К. В. Казак

Новосибирский государственный университет

Процесс глобализации системы высшего образования с каждым годом все больше и больше вовлекает в себя студентов из разных стран. Россия в этом мировом образовательном пространстве также занимает активную позицию. По данным Федеральной службы государственной статистики, на сегодняшний день приблизительно 300 тысяч иностранцев прибыли в Россию для получения высшего образования, это почти в три раза больше, чем 10 лет назад [1]. Для регионов России иностранные студенты — это не только приток экономического капитала (обучение, как правило, платное, существенные расходы на жилье, питание, переезд), но также культурного (различие габитусов) и социального (выстраивание новых социальных связей).

Для иностранных студентов наиболее популярными городами получения высшего образования в России являются Москва и Санкт-Петербург [2], но в данный список также попадают и города Сибири, например, Томск и Новосибирск [3]. Как известно, Сибирь — это место с особым географическим климатом, нехарактерным для большинства стран и достаточно удаленным положением относительно европейской части России. В тоже время сам процесс адаптации в условиях миграции даже на небольшой срок связан с резким изменением материального, социального и психологического состояния индивида. Поэтому миграция именно в города Сибирского региона несет в себе дополнительный набор трудностей.

В настоящее время проводится исследование, цель которого заключается в выявлении мотивов совершения иностранными студентами образовательной миграции в города Сибирского региона. В качестве результатов проведенного анализа интервью были выделены три основные тенденции:

1) иностранные студенты, делая выбор в пользу городов Сибирского региона против столичных городов (Москва и Санкт-Петербург), основывают свои предпочтения на следующих факторах. Один из них — это погружение в особую *языковую среду*, отличающуюся «чистотой» речи местных жителей, малой степенью распространенности людей с хорошим знанием английского языка или носителей иностранного языка. Другой — погружение в особенную *культурную среду*, поскольку в городах Сибири сохранились не только памятники истории, но и традиции, обычаи русского народа в целом, а также народа Сибири;

2) образовательная миграция может выступать средством для совершения туристического путешествия в Сибирь. Так, для одних студентов значимым является мотив удовлетворения потребности в совершении экстремального поступка или преодоления себя, поскольку климат Сибирского региона в сочетании с особой культурой, незнанием русского языка осознается ими как трудность, которую они хотят преодолеть. Для других в качестве мотива выступает желание сменить обстановку, и Сибирь кажется им неким экзотическим местом со своими особенностями, которое позволяет удовлетворить это желание;

3) многих иностранных студентов привлекает культурный и социальный потенциал сибирских городов. Так, для одних важен мотив получения высшего образования в местах, которые славятся своим научным центром, высоким качеством образования и научными достижениями. Для других привлекательными становятся карьерные перспективы и возможности международного сотрудничества после окончания обучения в российском вузе.

На основе анализа проведенных интервью можно сделать вывод о том, что, принимая решение об обучении в Сибири, иностранные студенты ориентируются на культурный и социальный капитал данного региона.

1. Россия в цифрах. 2017 : сб. статей. М.: Росстат, 2017. 511 с.

2. Громов А. Д. Академическая мобильность иностранных студентов в России // Факты образования. 2016. № 7.

3. QS Best Student Cities 2017. URL: <https://www.topuniversities.com/city-rankings/2017>. (Дата обращения: 24.02.2018).

Научный руководитель — А. В. Диева

Географическая мобильность в (вос)производстве научного сообщества (на примере новосибирского Академгородка)

У. В. Анিকেева

Новосибирский государственный университет

Пространственная мобильность — это структурирование аспектов общественной жизни. Изменения в пространственной и социальной мобильности положили начало фундаментальным изменениям в обществе [1]. Создание и развитие новосибирского Академгородка было возможно (и остается) благодаря пространственной мобильности. Академгородок был создан в 1957 г. по инициативе академиков М. А. Лаврентьева, С. Л. Соболева, и С. А. Христиановича как центр усиления научных исследований в области физико-технических, естественных и экономических наук и быстрейшего развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока В 1959 г. был создан Новосибирский государственный университет, обучение в котором решало две задачи: подготовку кадров для науки и отбор лучших из них для работы именно в СО РАН (тогда СО АН СССР). Академгородок географически сильно обособлен как от центра города, так и от других районов Новосибирска, что позволяет локализовать организацию образовательных учреждений, институтов и технопарков. Научное сообщество Академгородка формировалось изначально молодыми учеными, приехавшими работать в Новосибирск из научных центров европейской части страны. Позднее пополнялось за счет выпускников НГУ, студентами которого становились школьники из сибирских, дальневосточных, среднеазиатских регионов.

Сегодня, в эпоху стремительно меняющихся экономических и технологических условий, Академгородок относительно успешно решил проблему монофункциональности, развивая идею Лаврентьева о том, что в Академгородке должны присутствовать академические институты, университет и опытные производства, но в построенном комплексе Технопарка размещаются не только инновационные производства, но и сконцентрированы крупные IT-компании. По своей численности, привлекательности для выпускников НГУ они конкурируют с академической сферой. Таким образом, в социальном пространстве Академгородка можно выделить, помимо традиционного академического сообщества, относительно новое и молодое IT-сообщество. Первое будет пониматься как группа образованных индивидов, так или иначе участвующих / участвовавших в научной деятельности, идентифицирующих себя в качестве представителей этого сообщества. IT-сообщество включает работающих в стремительно развивающем секторе информационных технологий в Академгородке.

Исследование выполняется в рамках крупного интеграционного проекта по социальной истории Академгородка, который объединяет социологов, историков, программистов, музейных организаторов, сотрудников и руководителей различных организаций.

Целью исследования будет выявление связи между географической мобильностью и формированием разных профессиональных сообществ на территории новосибирского Академгородка. Будут раскрыты вопросы о том, каким образом формировалось научное сообщество Академгородка и как оно сейчас воспроизводится, какое место в этом процессе занимает географическая мобильность его представителей.

Информационную базу составят материалы глубинных интервью с постоянными жителями Академгородка, с представителями обоих профессиональных сообществ, т. е. ведущих свою деятельность в научно-исследовательском учреждении (академическое сообщество) или ведущих профессиональную деятельность в сфере информационных технологий (IT-сообщество) в возрасте от 30 до 60 лет. Выбор данных возрастных границ обусловлен тем, что до 30 лет большинство людей уже заканчивает получение высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) и ведет профессиональную деятельность по выбранному профилю.

Предполагается, что более мобильные респонденты чаще представляют IT-сообщество, что связано с тем, что они, как правило, моложе представителей академического сообщества, а географическая мобильность как средство попадания в профессиональное сообщество через поступление в университет одинаково представлена, как в научном, так и в IT-сообществе. В силу того, что академическое сообщество включает в себя множество профилей (от естественно-научного до гуманитарного), не исключается дифференциация географической мобильности в становлении разных групп внутри данного типа профессионального сообщества.

В докладе будут представлены выявленные на материалах интервью наиболее распространенные модели географической мобильности среди представителей научного общества; дифференциация представителей научного общества в зависимости от их прошлого опыта академической мобильности; дифференциация настоящей основной деятельности респондентов в зависимости от их прошлого опыта академической мобильности; особенности академического и IT-сообществ Академгородка в разрезе становления и характера самоидентификации.

1. Kaufmann V., Bergman M.M., Joye D. Motility: Mobility as Capital // International Journal of Urban and Regional Research. 2004. V. 28 (4). P. 745–756.

Научный руководитель — канд. социол. наук Т. Ю. Черкашина

Объективные и субъективные оценки условий и качества жизни населения дальневосточных городов

А. А. Васильева

Новосибирский государственный университет

Проблема качества жизни начала рассматриваться в социологических исследованиях с середины 20 века. Причиной этому послужили вопросы общественной безопасности, состояния окружающей среды и здоровья населения. В настоящее время данная проблема становится все более актуальной, в результате чего наблюдается рост бедности, безработицы, вынужденной миграции, недоступности общественных благ в сфере образования и медицины [1].

Не прошла стороной проблема ухудшения условий и качества жизни и дальневосточные города. На основе анализа миграционных процессов делается прогноз относительно того, что в ближайшее время на Дальнем Востоке предполагается довольно быстрое снижение численности населения в результате миграционного оттока [2]. Именно поэтому представляется необходимым изучение условий и качества жизни населения дальневосточных городов.

Методологической основой измерения и определения качества жизни может выступать как субъективный, так и объективный подход. Новизна данного исследования заключается в сочетании этих подходов, т. е. привлекаются данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики, и используются субъективные оценки жителей городов, выбранных для анализа.

Информационной базой исследования являются данные, полученные в ходе Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ), которое проводилось в 2014 и 2016 годах на всей территории Российской Федерации. Помимо базы данных КОУЖ, в исследовании используются показатели миграции, территориальной структуры потоков населения, качества населения, коэффициенты естественного движения населения, рождаемости и смертности, которые были предоставлены государственной статистикой.

Эмпирическим объектом исследования является взрослое население (15 лет и старше) таких дальневосточных городов как Благовещенск, Биробиджан, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Владивосток, Якутск, Южно-Сахалинск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Анадырь.

Для того чтобы определить зависимость между «привлекательностью» жизни в дальневосточных городах, т. е. тем, нравится ли населению жить в городах, и субъективными оценками проявления различных проблем го-

родской среды в восприятии населения, был выбран метод регрессионного анализа, а именно бинарная логистическая регрессия.

Проведенный нами регрессионный анализ позволил выявить следующие городские проблемы, которые оказывают влияние на мнение относительно «привлекательности» места жительства: недоступность государственных и муниципальных услуг в сфере медицинского обслуживания; неблагоустроенность, недостаточность озеленения в населенном пункте; неудовлетворенность условиями торгового и бытового обслуживания; высокий уровень преступности.

Далее, для того чтобы выявить группы проблем, которыми обеспокоены жители дальневосточных городов, используется факторный анализ, который позволил заключить, что городские проблемы подразделяются на четыре группы: проблемы социальной среды, проблемы досугово-рекреационной среды, проблемы социального обслуживания и проблемы городского хозяйства.

Затем с целью определения групп жителей дальневосточных городов по субъективным оценкам условий и качества жизни и описания их социальных портретов был проведен иерархический кластерный анализ. С помощью его и таблиц сопряженности мы определили, о каких именно проблемах в большей степени говорит население в каждом из городов.

Итак, нами было выявлено, что люди, проживающие во Владивостоке и Хабаровске, в большей степени обеспокоены проблемами социального обслуживания. Для людей, проживающих в Комсомольске-на-Амуре и Якутске, в большей степени актуальны проблемы досугово-рекреационной среды. Население, проживающее в Петропавловске-Камчатском, Благовещенске, Магадане и Биробиджане, в большей степени обеспокоено проблемами городского хозяйства.

Таким образом, результаты, полученные в ходе проведенного исследования, смогут оказать помощь местным властям дальневосточных городов в разработке управленческих решений по улучшению условий и качества жизни.

1. *Ершов А. Н., Хайруллина Ю. Р.* Качество жизни и местное самоуправление в условиях социальной модернизации // Соц. исслед. 2004. № 8. С. 21–25.

2. *Виценец Т. Н.* Особенности развития миграционных процессов на Дальнем Востоке // Известия Уральского гос. экон-го ун-та. 2014. № 2. С. 69–75.

Научный руководитель — В. В. Иванова

Индекс развития человеческого потенциала по субъектам Российской Федерации (с 2000 по 2016 гг.)

А. И. Береснев

Сибирский университет потребительской кооперации

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) — интегральный индикатор, рассчитываемый регулярно для измерения и сравнения уровня жизни в разных странах. Индекс включает в себя такие компоненты, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования населения и уровень дохода. Данные составляющие, взятые в совокупности, позволяют охарактеризовать качество жизни населения.

Индекс развития человеческого потенциала, разработанный в 1990 году, был представлен в первом докладе по человеческому развитию в рамках Программы развития Организации Объединенных Наций [1]. Ранее данный индекс вычислялся на базе четырех основных индикаторов, таких как уровень грамотности, охват молодежи образованием, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности и ожидаемая продолжительность жизни. В дальнейшем в расчет индекса развития человеческого потенциала внесены изменения, которые официально были представлены в 2010 году в новом мировом докладе Программы развития ООН. Поэтому следует учитывать, что официальные данные по ИРЧП, которые были опубликованы ранее 2010 года, рассчитывались по старой методике.

В методику были внесены следующие изменения. Уровень грамотности населения исключен из расчета индекса. При расчете ИРЧП по старой методике ранее использовался менее точный показатель, который основывался на двух субиндексах, первый из которых — уровень грамотности взрослого населения — учитывался с весом $2/3$, а второй — охват населения до 24 лет образованием — с весом $1/3$. По новой методике при расчете уровня образования используются средняя продолжительность обучения и ожидаемая продолжительность обучения. Теперь новый показатель учитывает все возрастные категории и различные уровни образования по ступеням. Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения заменен валовым национальным доходом (ВИД) на душу населения. Кроме того, сейчас при расчете индекса используется среднее геометрического вместо среднего арифметического [2; 3].

Основная цель данного исследования базируется на определении индекса развития человеческого потенциала по современной методике с 2000 по 2016 гг. по всем субъектам Российской Федерации. Чтобы адаптировать методику, в нее внесены некоторые изменения. К примеру, вместо валового на-

ционального дохода в работе используется показатель среднедушевого дохода, корректирующийся с учетом межрегиональных различий в ценах. Для этого используется фиксированный набор товаров и услуг, стоимость которых определяется Росстатом по единой методике для всех регионов России.

Для нахождения ИРЧП рассчитан индивидуально каждый показатель по новой методике за каждый год. По итогам вычислений проведены сравнения между показателями, рассчитанными по прежней и новой методике.

В работе также представлены показатели индекса развития человеческого потенциала отдельно по городскому и сельскому населению каждого субъекта Российской Федерации. Примечательны также расхождения по регионам. Например, если по уровню образования ранее лидировал один регион, то по новым подсчетам лидирует другой.

Новизна работы заключается в вычислении индекса развития человеческого потенциала по новой методике с 2000 по 2016 гг., по каждому субъекту Российской Федерации. Представленные в литературе данные по ИРЧП по отдельным регионам России, в том числе в докладах по человеческому развитию в Российской Федерации, рассчитаны по старой методике. Новизна также включает расчеты отдельно по городскому и сельскому населению регионов, поскольку ранее в научных работах данные по ИЧРП отдельно для города и села не проводились.

1. *Капелюк С. Д.* Индекс развития человеческого потенциала: изменение методики расчета // Экономическое развитие России: проблемы и перспективы : сб. материалов Всероссийской научно-практической конф. Иваново, 5 ноября 2011 г. / под науч. ред. проф. Н. В. Клочковой. Иваново: Научная мысль, 2011.

2. *Корчагина И. И.* Измерение человеческого потенциала в аспекте ограничения доступа к ресурсам его развития // Журнал институциональных исследований. 2012. № 1. С. 68–78.

3. *Плато К.* Два года спустя после доклада комиссии Стиглица-Сена-Фитусси: что нового в статистическом измерении благосостояния и устойчивого развития общества? // Вопросы статистики. 2011. № 11. С. 3–11.

Научный руководитель — канд. экон. наук, доцент С. Д. Капелюк

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ И ВИРТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ

УДК 316.773.4

Фотопрактика: «спустя годы»

П. А. Басина

Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета

Последние годы растет популярность интересной фотографической практики: люди пытаются воссоздать одно из своих семейных, дружеских или школьных фото спустя много лет. Коллаж из оригинальной и воссозданной, переснятой фотографий предьявляется пользователям сети с нотками ностальгии и комизма одновременно. Данная практика обозначена нами как репликация фотографий.

Цель работы — обзор и объяснение некоторых социальных эффектов практики. В фокусе исследования — функции практики и ее правила: принципы отбора фото и его концептуализации, семиотика фотографии, методы постобработки изображения; в целом — тип отношений оригинала и репродукции. Эмпирическая база исследования — девять фотоколлажей российских пользователей, размещенных в социальной сети Instagram с хештегами «повторим фото», «спустя годы»; метод — семиотический анализ [1]. Теоретическая база — канадская школа исследований медиа [2].

Нами получены следующие результаты. Практика репликации применяется к различным фото: любительским и профессиональным, повседневным и праздничным, «забавным» и «типичным»; коллаж может быть приурочен к значимому для автора событию. По нашим наблюдениям, желание воссоздать фото может быть обусловлено нахождением автора в том же или похожем месте; значимым атрибутом; продолжением какой-то деятельности (например, спорта). Повторение всех элементов предыдущего фото является необязательным: наблюдалось воспроизведение выражения лица и позы, фона; в некоторых случаях — элементов одежды. Отмечено, что участниками фото могут являться как несколько человек, так и один. Встречались варианты обработки пост-фото и коллажа в целом.

Обязательный элемент практики — указание длительности прошедшего времени с помощью датировки или возрастных категорий участников. Интересным является конструирование коллажа слева направо или сверху вниз — как символ перехода времени. Посредством практики репликации фото происходит параллельная демонстрация нескольких временных пери-

одов, смены поколений и связанных оппозиций детство / молодость, молодость / взрослость, взрослость / старость; таким образом иллюстрируется цикличность жизни. Временной акцент обозначается через связь детских игрушек и увлечений с реальной жизнью: с возрастом детские игры перерастают в реальные (игры в дочки-матери, военные игры).

Практика позволяет автору коллажа репрезентировать семейные, дружеские, школьные, рабочие взаимоотношения. Она отражает близкие связи автора, трансформации взаимоотношений, значимые сходства и различия; подчеркивает проблемы социальных отношений (редкость встреч, утрата связей). Любопытным эффектом демонстрации времени является изменение пропорций участников фото, что создает эффект комичности и умиления. Примечательно, что прожитые годы авторы иллюстрируют внешними изменениями своих близких, домашних животных, мест; встречались случаи — через самих себя. Рефлексия времени автора проявляется через подписи к фото, комментарии, хештеги.

Семиотика фотоколлажей детализирует временной контекст исходных фото (советское время, 1990-е годы, начало двухтысячных) через симптоматичные модные тенденции и традиции, например, элементы советской школьной формы девочек.

Подведем итоги. Практика репликации фотографий, исходя из традиции пастиша, переигрывания популярных фотоизображений в визуальных медиа, стала, с одной стороны, рефлексией прожитой субъектом жизни в контексте ключевых социальных отношений, с другой — синтаксической фотоигрой, повторениями, сводящими непрерывность жизни к набору инструментальных дискретных изображений.

Вероятно, данные фотоколлажи имеют популярность и тиражируемы в связи с тем, что наглядно показывают физические изменения человеческого существа в неизменности изобразительной структуры, напоминая о скоротечности своей жизни и тленности жизней других. Люди, находясь в рутине повседневности, не замечают изменений, которые с ними происходят, а практика репликации фото позволяет им обратить внимание на прожитые годы и рефлексивно оценить свою жизнь. Таким образом, люди, с одной стороны, как мы предполагаем, стараются показать неизменность своих взаимоотношений с партнером по фото, а с другой — внешние изменения, произошедшие с ними. Так, в одном фото означаются две противоположности вечность / мгновение.

1. *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр. М. Рыклин. М.: Ad Marginem, 1997. 223 с.

2. *Куттлер Ф.* Оптические медиа: Берлинские лекции 1999 г. / пер. с нем. О. Никифоров, Б. Скуратов. М.: Логос, 2009. 272 с.

Научный руководитель — А. А. Маляр

Стратегии выставочных пространств как элемента символической экономики города

К. Н. Калашникова

Новосибирский государственный университет

Считается, что символическая экономика возникла в результате развития туризма, медиасферы и сферы развлечений. Эффект от развития символической экономики может быть зафиксирован в виде количественных показателей роста цен на недвижимость и появления предприятий сферы услуг на территориях, характеризующихся культурным потреблением. Но существует также не столь очевидный эффект в виде формирования привлекательного образа города не только для туристов, но и для капитала, не связанного с культурными инвестициями. Выставочные пространства являются важной частью символической экономики, и все же они нередко страдают от недостатка финансирования, престижа и посетителей.

Символическая экономика понимается нами вслед за Ш. Зукиным как городское явление, которое предполагает производство пространств и символов города и культуры. Символическая экономика объединяет в себе производство пространства, в котором экономический капитал и культурные смыслы находятся в постоянном взаимодействии, а также производство символов, которые одновременно являются и своеобразной валютой экономического оборота, и языком социальной идентификации [1, с. 46]. В символической экономике объединяются финансовые, трудовые ресурсы, искусство, зрелища и дизайн [1]. Выставочные пространства как составляющая символической экономики не были на данный момент описаны. В целом существует несколько исследований среди отечественных социологов, в которых применялась бы концепция символической экономики.

Среди выставочных пространств нами были выделены классические культурные выставочные пространства как важная составляющая облика города. Они существуют в условиях символической экономики, являются объектами потребления и упорядочивают существующие взгляды. Все эти грани деятельности отражаются в стратегиях, которые формируются в процессе освоения пространства различными социальными группами.

В ходе исследования предполагается ответить на вопрос, каким образом символическая экономика определяет стратегии выставочных пространств? Целью исследования является выявление и описание стратегий классических культурных выставочных пространств.

В качестве кейсов были рассмотрены следующие выставочные пространства: Новосибирский государственный краеведческий музей, Интегральный

музей-квартира Академгородка, Исторический парк «Россия — Моя история», Новосибирский государственный художественный музей, Музей мировой погребальной культуры. Критериями для отбора пространств стали: форма собственности, размер, подлинность / неподлинность экспонатов, тематика. В качестве источников информации выступили материалы, опубликованные на официальных сайтах, материалы наблюдения и интервью с руководителями пространств.

Были рассмотрены следующие составляющие стратегий выставочных пространств: репрезентация в Интернете, коммуникация с посетителями (на сайте и в пространстве), основа позиционирования (что наделяется символической ценностью), задействованные ресурсы (властные, финансовые, трудовые).

В результате были выявлены следующие особенности. Репрезентации выставочных пространств в Интернете делают акценты на разные составляющие их деятельности на: диалог с посетителями и между посетителями, ролевым вовлечением; просветительском эффекте; развлекательной компоненте. Это проявляется и в контенте страниц пространств в социальных сетях. Физическое расположение выставочных пространств становится способом усиления интереса к их содержанию, повышения символической ценности и репрезентируется в выгодном свете.

Можно выделить стратегии, исходя из того, что наделяется символической ценностью: истории, стоящие за экспонатами; ролевое вовлечение посетителей; визуальное повествование; экспонаты как материальные объекты, которые преподносят символический капитал соприкоснувшимся с ним. В этих стратегиях отражена, на наш взгляд, реакция выставочных пространств на вызовы символической экономики.

1. *Зукин Ш.* Культуры городов. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 424 с.

Научный руководитель — канд. социол. наук Н. Л. Мосиенко

**Паралингвистический компонент аудиовизуальной коммуникации
(на примере трейлеров к мультфильмам)**

А. Е. Пискунова
Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета

Актуальность изучения паралингвистического компонента аудиовизуальной коммуникации обусловлена двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, современная аудиовизуальная коммуникация не только дополняет, но и служит альтернативой прежде безраздельно господствовавшей вербально-письменной коммуникации, стремительно становясь ведущим средством массовой коммуникации. Этому способствует развитие и усовершенствование технических средств создания таких сообщений, а также появление новых видов звукозрительных сообщений, одним из которых является трейлер. Во-вторых, стремительный рост визуальной информации вызывает закономерный интерес различных исследователей к анализу коммуникативно значимых невербальных компонентов сообщения. Однако несмотря на большое количество работ, посвященных невербальным аспектам коммуникации, остаются не исследованными многие предметные области.

В проведенном исследовании трейлер к мультфильму был проинтерпретирован как вид аудиовизуальной коммуникации, обладающий семиотической природой и связанный экранной эстетикой, художественными возможностями и различными технологиями обработки изображения и звука. Анализ результатов эмпирических исследований как вербальных, так и невербальных коммуникативных средств аудиовизуальных сообщений подобного вида, представленный в работах Е. А. Глазковой, И. В. Дьяченко, А. Н. Знаменской, Н. В. Ноак, В. В. Овсянниковой, Е. А. и А. А. Скорик, А. С. Татарникова, Л. Н. Якиной, позволил сделать вывод о том, что в них трейлер к мультфильму чаще всего рассматривается как культурный текст, содержащий паралингвистические коммуникативные средства. При этом последний редко становится предметом детального рассмотрения.

Сущность и содержание паралингвистического компонента семиотического анализа аудиовизуальной коммуникации определены в работе как аудиально и зрительно воспринимаемый диапазон невербальных (неязыковых) средств, функции которых сводятся к восполнению, дополнению, обеспечению интерпретации вербального сообщения. В проведенном исследовании акцент был сделан на анализе кинетических средств, представленных в трейлерах к мультфильмам, а именно: физиогномики (типе телосложения,

размере глаз), окулесика (степени расширения зрачка), поз, мимики, жестов рук и кистей рук.

Была разработана методика социологического исследования паралингвистического компонента трейлеров к мультфильму методом контент-анализа. Выбор метода обусловлен его возможностями, а также опытом предыдущих исследований по схожей тематике.

В качестве результатов можно отметить следующее. Удалось выявить, что в цветовом оформлении доминируют темные и холодные цвета сине-фиолетовой части спектра (особенно бирюзовый), что сближает трейлеры к мультфильмам в оформлении с голливудскими фильмами в жанре экшен и отражает смещение в сторону напряженности, опасности и экстрима. Большая часть персонажей имеет большие глаза с расширенными зрачками, что делает их более приятными, обаятельными и заинтересованными в предмете своего внимания. Мультигерои наиболее часто имеют радостное выражение лица, однако следующими особо часто используемыми выражениями лица являются страх и удивление.

Также нам удалось выявить, что большая часть персонажей трейлеров к мультфильмам имеют мезоморфный тип телосложения, который является наиболее привлекательным, поскольку таких людей считают веселыми, уверенными в себе, энергичными, деятельными, решительными, общительными, настойчивыми, властными и активными. Среди жестов рук доминируют положения, отражающие проявление настоящего интереса и готовность к действию, однако следующими наиболее распространенными положениями являются жесты, выражающие расстройство, оборонное или негативное состояние человека. Среди поз стоя преобладают положения, принимаемые, когда человек настроен агрессивно и готов к атаке, а также такие положения тела свидетельствуют об авторитарности, стремлении влиять на других, потребности в самоутверждении, завышенной самооценке и часто — о чувстве неполноценности. Сидячие положения в большей степени выражают сдерживание негативных эмоций, страх, напряженность или взволнованность.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что паралингвистический компонент трейлера к мультфильму как вида аудиовизуального сообщения отражает повышенный рискогенный характер современного общества, наличие в нем глобальных угроз и опасностей, подтверждая тем самым концепции общества риска.

Научный руководитель — д-р филос. наук, доцент Н. А. Иванова

«Сильные» дискурсы: картина мира и риторические приемы

М. А. Мальцев

Новосибирский государственный университет

Эпоха постмодерна задает новые тренды в познании социальной действительности. Самоопределение все больше волнует индивида, столкнувшегося с ситуацией, когда «в движение пришли не одни только люди, но также и финишные линии дорожек, по которым они бегут, да и сами беговые дорожки» [1]. Неустойчивость бытия и порождаемый нравственной мультивариантностью ценностный вакуум на фоне глобализации и информационного изобилия создают угрозу для онтологической безопасности индивида: в XXI веке «человек не может с уверенностью определить свое место в многообразии поведенческих стилей и шаблонов» [2]. Экзистенция в ситуации «текущей современности» ставит перед индивидом достаточно интересную, но в то же время трудную задачу — сконструировать идентичность в условиях быстро изменяющегося мира, в котором граница между истинным и ложным, экспертным и профанным, аксиоматичным и поддающимся сомнению знанием становится все более размытой, а на дискурсивную арену выходят новые игроки, являющие собой альтернативу уже имеющимся когнитивным практикам, связанным с интроспекцией. Возникающий в результате подобной игры идентичностей ансамбль новых «сильных» типов дискурса в своей риторике и стилистике обещает трансформацию устоявшейся картины мира и, как следствие, метаморфозу познающего субъекта. «Каждый получает то, что выбирает. Вы имеете право выбирать именно потому, что бесконечность вариантов уже существует. Вам никто не мешает выбрать себе судьбу по душе. Все управление судьбой сводится к одной вещи — сделать выбор» [3].

Одной из характерных проблем сегодняшнего общества является донесение и распространение экспертного знания, сосредоточенного в руках научных институтов и требующего значительных издержек, необходимых для освоения категориального аппарата дисциплины и авторизации в сообществе просвещенных специалистов. Так, препятствия на пути приобщения субъектов к научному знанию и сложности его верификации служат отправной точкой для появления паранаучных систем, которые, удовлетворяя запросам массовой аудитории, разрабатывают свои концептуализации в противовес институционализированному научному знанию. Генерируя собственный тип дискурса, паранаука служит для индивида поставщиком интерпретаций для ответа на вызовы повседневной жизни. В данной работе предпринята попытка изучения приемов, артикулирующих «сильные», так

называемые квазиметапсихологические дискурсы, которые синтезируют эзотерическое и научное знания, транслируют представления об организации жизненного сценария посредством внедрения различных установок и схем поведения и, защищая идентичность от угрожающих внешних и внутренних воздействий, изменяют расстановку сил в области символического консьюмеризма.

В качестве информационной базы исследования выступали тексты различных эзотерических учений, посвященные «личностному развитию» и направленные на формирование «новой перспективы восприятия окружающей действительности». Рассматривались такие примеры воплощения данного дискурса, как серия книг В. Зеланда «Трансерфинг реальности», цикл произведений «Монах, который продал свой “фerrари”» Р. Шармы, а также популярная книга С. Р. Кови «Семь навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности».

Изучение дискурса было проведено по трем измерениям: на текстовом уровне предполагалось описание лингвистических аспектов; на дискурсивном уровне — анализ интерпретации дискурсивного события участниками-реципиентами, а также изучение всевозможных комбинаций воплощенных в тексте дискурсов (интердискурсивности); на уровне социальной практики — объяснение связей дискурса с контекстом его распространения.

Результаты исследования представлены как анализ текстуальных особенностей рассматриваемого дискурса. Экспликация дискурсивных специфик позволила пролить свет на используемые стилистические и риторические приемы, с помощью которых происходит приспособление субъекта к индивидуализации жизни в ходе возникающих перипетий общества постмодерна путем погружения в мир фантазма, по-новому расставляющего акценты в понимании реальности.

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 184 с.

2. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 5. С. 133.

3. Зеланд В. Трансерфинг реальности. Ступень I: пространство вариантов. СПб.: ИГ «Весь», 2017. 25 с.

Научный руководитель — канд. социол. наук И. А. Чудова

**Конструирование социальных проблем как риторика:
стратегии (де)проблематизации вопросов внутренней политики
в российских средствах массовой информации**

А. П. Шабалин

Новосибирский государственный университет

В условиях перехода к постиндустриальному обществу сложно переоценить роль СМИ как информационного посредника между политической и социальной системами, обеспечивающего возможность массовой политической коммуникации, необходимой для формирования полноценного гражданского общества.

Развитие средств массовой коммуникации приводит к появлению и новых возможностей для указания на те или иные «проблематичные» социальные условия и выдвижения своих требований относительно них. С другой стороны, увеличение роли СМИ в процессе конструирования социальной реальности приводит к увеличению риска манипуляции общественным сознанием акторами, играющими существенную роль в формировании социально-политической повестки дня. Так, становится возможным конструирование «заведомо искусственных» социальных проблем, приводящее к привлечению различного рода ресурсов на их решение, а также к отодвижению конкурирующих требований «на задний план» и их блокированию. В этой связи становится актуальной рефлексия способов проблематизации или депроблематизации определенных социальных условий, находящихся свое воплощение в конкретных риторических приемах, используемых теми или иными социальными акторами для достижения своих интересов.

Научная проблема исследования обуславливается относительной разрозненностью проводимых в российских реалиях исследований, осуществленных в рамках конструкционистского подхода к социальным проблемам. В связи с этим остается актуальным вопрос о том, являются ли определенные риторические форматы, лейтмотивы и стили характерными для различных попыток проблематизации, происходящих на одной и той же «публичной арене».

Объект настоящего исследования — конструирование социальных проблем как риторика.

Предметом исследования являются стратегии проблематизации и депроблематизации актуальных вопросов внутренней политики.

Исследование опирается на конструкционистскую теорию социальных проблем М. Спектора и Дж. Китсьюза, предполагающую, что социальные проблемы являются результатом коллективного определения некоторого со-

циального условия как проблематичного, и помещающую в фокус рассмотрения именно дефиниционные процессы [1, 2]. Предпочтение отдается «строгости конструкционизму», оставляющему за пределами рассмотрения онтологический статус ситуаций, относительно которых выдвигаются утверждения-требования.

Целью исследования является выявление особенностей использования стратегий проблематизации и депроблематизации социальных условий новостными средствами массовой информации в зависимости от их принадлежности к провластному или оппозиционному дискурсу.

Для достижения данной цели необходимо решение задач выявления риторических идиом и контрриторических стратегий, используемых новостными средствами массовой информации для конструирования социальных проблем в контексте актуальных внутриполитических вопросов, а также выявления лейтмотивов, стилей, нарративных формул и перечней ценностно нагруженных тем, присущих используемым в новостных текстах риторическим идиомам.

В рамках исследования осуществляется качественный анализ первичных источников данных; в качестве эмпирического объекта исследования выступают новостные тексты, размещаемые российскими средствами массовой информации в Интернет-пространстве (на официальных сайтах) и посвященные актуальным внутриполитическим вопросам. Собранные материалы анализируются с использованием метода риторической деконструкции в соответствии с выделенными П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом четырьмя риторическими измерениями [2]. Рассматриваются 15 новостных сообщений «проправительственных» СМИ и 15 — «оппозиционных»; данное условное разделение опирается на доступные данные о владельцах и учредителях, общий «курс», самопозиционирование, мнение экспертов и ряд других факторов. В качестве критерия актуальности использованы медиаметрические данные, касающиеся их рейтинга.

1. *Спектор М., Китсьюз Дж.* Конструирование социальных проблем // Контексты современности — П. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 160–163.

2. *Ибарра П., Китсьюз Дж.* Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 55–114.

Научный руководитель — канд. психол. наук, доцент О. Н. Первушина

Контент-анализ мнений интернет-пользователей Новосибирска по вопросу изменения Конституции РФ

С. В. Сорокин

Новосибирский государственный университет
экономики и управления (НИНХ)

В СМИ и научных публикациях нередко можно встретить утверждения о том, что Конституция РФ нуждается в доработке по многим причинам: несоответствие установленному государственному режиму, ущемление интересов русского народа, противоречия в статьях, ограничение суверенитета России, пропаганда сепаратизма и т. д. Нам, как представителям социологической науки, прежде всего, интересно мнение самих граждан по поводу действующего основного закона государства.

Для изучения данного вопроса мы проанализировали отношение жителей города Новосибирска по поводу изменения Конституции РФ методом контент-анализа форума на сайте НГС Новосибирск. Согласно Л. Ньюману контент-анализ — это «метод сбора данных и анализа содержания текста» [1]. Слово «контент» (содержание) имеет отношение к словам, рисункам, символам, понятиям, темам или же иным сообщениям, которые могут быть объектом коммуникации. Слово «текст» означает нечто написанное, видимое или произнесенное, которое выступает как пространство коммуникации. Это пространство может включать в себя книги, газетные или журнальные статьи, объявления, выступления, официальные документы, кино- и видеозаписи, песни, фотографии, этикетки или произведения искусства [1].

Для контент-анализа были отобраны сообщения из трех обсуждений на форуме «Конституция РФ. Пути к улучшению (части 1 и 2)» и «Нужно ли менять конституцию».

Основная гипотеза нашего исследования — большинство комментаторов, высказавшихся по вопросу необходимости изменения Конституции РФ, считают, что полностью менять Конституцию не нужно, ее необходимо реформировать. Полное изменение Конституции, на наш взгляд, нецелесообразно, так как она достаточно хорошо проработана и отражает основные права и свободы граждан. Реформа Конституции необходима для искоренения существующих противоречий и возможности «обходить» закон.

Общее количество комментариев категории «содержательные» составило 158 единиц, а число комментаторов — 132. Наш анализ заключался в оценке комментариев от каждого участвующего в обсуждении пользователя. Проанализировав различные мнения, мы выделили пять групп пользователей по типу отношения к Конституции РФ (приведенные в пример

комментарии представлены в том же виде, в котором были написаны автором и могут содержать орфографические, пунктуационные, синтаксические и другие ошибки).

1. Радикально настроенные участники дискуссии, считающие необходимым полностью поменять Конституцию (60 комментаторов).

Пример: «Однозначно НАДО!!! Нынешняя конституция, писанная после государственного переворота и вооруженного подавления Народной Воли фашистом недоноском, изменником Родины алкоголиком Ельцыным, замешана на крови нашего народа. Нужно вырвать из Российской Истории все остатки грязной деятельности Синеносого Бориски. Конституция по которой сейчас живет Россия — НАШ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЗОР !!!».

2. Считающие, что Конституцию полностью можно не менять, а нужно лишь заменить несколько глав (18 комментаторов).

Пример: «Отдельные статьи требуют изменения».

3. Считающие, что Конституция не работает, но по содержанию комментариев трудно определить, желают ли они изменить ее (23 комментатора).

Пример: «Конституция — симулякр свободы».

4. Не желающие изменять действующую Конституцию, так как ее законы все равно не работают (16 комментаторов).

Пример: «какой смысл менять законы, если по ним никто не живет».

5. Не желающие изменять действующую Конституцию, так как она полностью устраивает (15 комментаторов).

Пример: «У нас народ решает, как жить, а Конституция это лишь волеизъявление народа, а не список указаний народу. То есть, народ выбирает себе идеологию, выбирая президента и Думу. Захотели — поменяли. Все в порядке».

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза не подтвердилась. Анализ данных показывает, что большая часть аудитории портала ngs.ru считает необходимым полностью изменить Конституцию РФ. Наиболее популярными аргументами авторов, высказывающих такое мнение, являются: а) Конституция РФ была написана в период перестройки и на скорую руку (18 комментаторов); б) Конституция РФ была написана под влиянием Европы и Запада (15 комментаторов); в) Конституция РФ совершенно не отражает современные реалии РФ (6 комментариев); г) Конституция РФ не отражает интересы народа России (5 комментариев). Скорее всего, такое большое количество радикальных авторов обуславливается местом проведения опроса (интернет-форум).

1. *Ньюман Л.* Социология за рубежом. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998 . № 2. С.112–115.

Трансформация понятия интеллигенции

Т. В. Михайлова

Иркутский государственный университет

Согласно определению социологического энциклопедического словаря, под ред. Г. В. Осипова, интеллигенция — это совокупность людей, занятых умственным трудом; социальный слой людей, профессионально занимающихся квалифицированным трудом.

Мангейм писал, что смысл европейской интеллигенции — интерпретация мира для современного ей общества. В Европе, как и в России, основными социальными классами, воспроизводящими интеллигенцию, были врачи, учителя, юристы и разночинцы. Исторически сложилось так, что интеллигенция — это люди, занятые в деятельности, находящейся на пересечении систем «человек-человек», «человек-информация» и «человек-искусство» с преобладанием то одной, то другой из указанных систем зависимости от специфики труда и эпохи.

После революции 1917 г. русская «белая» интеллигенция была почти полностью уничтожена не только в ментальном смысле, но и в смысле физическом. На некоторое время слово «интеллигент» стало ругательным, синонимом к «слабости» и «бюрократичности». Подтверждение этому мы видим в «Педагогической поэме» А. С. Макаренко, выпущенной в 1931 г. [2]. За 50 лет советская система создала новую, советскую интеллигенцию. Ее основной задачей было осуществлять трудовую деятельность в тех же областях, что и дореволюционная интеллигенция, но под знаменем труда и Советского Союза. По нашему мнению, таким образом, через смену людей, составляющих интеллигенцию, было изменено и то, как интеллигенция интерпретирует мир для общества.

Со времен разрушения СССР интеллигенция переживает кризис, который длится по настоящее время. Так, по результатам исследования, приведенным М. Добрыниной, «основные усилия значительной ее [интеллигенции] части направлены на адаптацию к новой социальной реальности, а нередко — на поиск путей элементарного выживания, несмотря на то, что она обладает значительными ресурсами для адаптации (интеллектуальными, профессиональными, социальными и т. д.)» [1].

В 2017–2018 гг. в г. Иркутске был проведен социологический опрос «Интеллигенция глазами студенческой молодежи». Было опрошено 60 респондентов: 30 мужчин и 30 женщин, обучающихся в высших учебных заведениях, использовался стихийный тип выборки.

Отвечая на вопрос о том, какими характерными чертами должен обладать человек, чтобы считаться интеллигентным, большая часть респондентов выде-

лила образованность (22,6 % ответов), воспитанность и следование правилам этикета — (19,2 % ответов), деликатность, тактичность — (17,2 % ответов).

Говоря о социальной миссии интеллигенции, большая часть респондентов воспринимает ее «совесть общества» (52,6 % респондентов). В варианте «Другое» чаще всего писали об интеллигенции как о трансляторе ценностей, воспитания и образования.

Большинство респондентов (40 %) положительно ответили на вопрос, относят ли они себя к интеллигенции, 36,7 % респондентов затруднились ответить.

Большинство респондентов считает, что потребность в интеллигенции в современном обществе есть (70 % респондентов). Однако бытует мнение, что «нет потребности. Она есть и все. Как геи» и «нет. в современном мире интеллигенция бесполезна и беспомощна». Респонденты видят потребность в интеллигенции по большей части как в примере нравственного и образовательного уровня (68 % ответов), что совпадает с ответами на вопрос о социальной миссии интеллигенции.

Большая часть опрошенных может назвать среди своих знакомых от трех до пяти человек интеллигентными (43,3 % респондентов).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что произошла трансформация понятия интеллигенции и из людей, занимающихся определенными профессиями в системах «человек-человек», «человек-информация» и «человек-искусство», интеллигенция стала относиться к области воспитания, нравственности и морали. Косвенным признаком этого явления можно отметить, что высшее образование, необходимое для традиционно интеллигентных профессий, как характеристику интеллигенции отметили только 3,8 % опрошенных.

Обращая внимание на востребованность и малочисленность интеллигенции, отметим, что, по нашему мнению, это связано некоторой затруднительностью следовать высоким образовательным и нравственным стандартам. Реформы системы образования, невысокая оплата труда в «интеллигентных» сферах, относительная легкость поступления в высшие учебные заведения, различные социальные поллютанты увеличивают давление на существующую интеллигенцию и «выдавливают» ее из социальной жизни.

1. *Добрынина М. И.* Об идентификации интеллигенции (на материалах Республики Бурятия) // Вестник БГУ. 2014. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ob-identifikatsii-intelligentsii-na-materialah-respubliki-buryatiya> (Дата обращения: 26.02.2018).

2. *Макаренко А. С.* Педагогическая поэма. URL: http://librebook.me/pedagogicheskaia_poema (Дата обращения: 26.02.2018).

Научный руководитель — канд. филос. наук, доцент Е. В. Решетникова

Визуальный образ бедности в средствах массовой информации

А. Ю. Ненашева

Новосибирский государственный университет

Сегодня средства массовой информации играют лидирующую роль в конструировании социальной реальности. Из газет, радио, телевидения, а в последнее время — из захватившего весь мир Интернета миллионы людей узнают актуальные новости, затрагивающие любую из сфер жизнедеятельности. О множестве событий и проблем общество узнает благодаря СМИ даже не опираясь на собственный опыт. От того, в каком свете будет проинтерпретирована в новостях проблема, в подавляющем большинстве зависит отношение населения к данной теме. Иными словами, СМИ выступает средством конструирования социальных проблем.

Одной из таких проблем в России является проблема бедности. По данным Федеральной службы государственной статистики численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в процентах от общей численности населения в 2016 г. составляла 13,4 %. В 2013 г., когда начала применяться действующая методика определения прожиточного минимума, доля бедного населения составляла 11,0 %.

Одним из компонентов конструирования социальных проблем средствами массовой информации является создание образа ситуации. Визуальный образ (инфографика, фотографии, другие изображения) помогает эффективнее запомнить информацию. В зависимости от того, как данные будут «проиллюстрированы», при воспроизведении в памяти «всплывает» первоначально визуальная составляющая новости, и именно от нее будет зависеть восприятие человеком той или иной ситуации. По этой причине средства массовой информации стремятся использовать визуальные элементы при подаче информации о социальных проблемах.

Современные исследователи при изучении социальных проблем во многих случаях выбирают как методологическую основу конструкционистский подход. В отличие от традиционных подходов, которые изучали социальные проблемы как некоторые «объективные» социальные условия — неблагоприятные и угрожающие, обратные миру «нормально» функционирующего общества, конструкционистский подход определяет социальную проблему как деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и движению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий [1]. Важным аспектом является факт того, что здесь индивиды выступают с требованиями, подразумевающие за собой изменения в проблемной области.

Несмотря на подробную освещенность социальной проблемы бедности, в российской социологии отсутствуют исследования, в которых бы рассматривалась визуальная репрезентация бедности в средствах массовой информации: какие визуальные образы используются, что присутствует на иллюстрациях, на чем делается акцент в большей степени.

Цель моего исследования — выявление визуальных образов бедности в российских печатных СМИ. На первом этапе был проведен контент-анализ материалов, опубликованных в газете «Коммерсант» за период с января по декабрь 2015 г. Отбор публикаций происходил с помощью трех ключевых слов «бедность», «прожиточный минимум», «неравенство». Для более точного анализа не учитывались публикации, в которых присутствовали ключевые слова, но основная суть не относилась к теме бедности.

Ключевое слово «бедность» было найдено в 60 статьях, но только в шести из них затрагивалась тема бедности, а не просто использовалось ключевое слово в ином контексте. Все публикации имели фотографию, находящуюся под заголовком, и на каждой из них было не менее одного человека. На двух снимках были изображены люди пожилого возраста, люди без определенного места жительства встретились единожды. Из шести проанализированных фотографий пять были сделаны на улице. Кроме этого, одна новость содержала в себе гистограмму.

«Прожиточный минимум» был использован в 22 статьях, девять соответствовали необходимой тематике. Все новости также имели фотографии, на двух были изображены деньги. Также наблюдается тенденция использования людей в кадре: на трех были люди без определенного места жительства, на двух — пожилые люди.

Наконец, из 36 статей, отобранных по слову «неравенство», к сожалению, лишь три подходили по теме исследования. На каждой из них были люди: на одной были тени людей, на двух других были замечены люди пожилого возраста и индивиды без определенного места жительства.

На основании данного анализа можно предположить, что к бедному населению относятся лица без определенного места жительства и пожилые люди. Но, по данным статистики, крупных категорий людей, относящихся к числу бедного населения, больше: многодетные семьи, инвалиды, дети-сироты, матери-одиночки и т. д. Может сформироваться искаженное общественное мнение о составе бедного населения.

1. *Снектор М.* Конструирование социальных проблем // Контексты современности — II / под ред. С. А. Ерофеева. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 160–163. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19185440/> (Дата обращения: 25.02.2018).

Научный руководитель — канд. социол. наук Т. Ю. Черкашина

Гендерные образы в видеоиграх как средство формирования и репрезентации общественного мнения

Д. Д. Крылов

Новосибирский государственный университет

За последние 40 лет с момента появления первых коммерческих видеоигр и домашних игровых приставок на этих самых видеоиграх выросло уже несколько поколений геймеров, средний возраст которых на данный момент составляет 35 лет [1], а их количество в мире — два миллиарда человек [2]. Игнорировать видеоигры, ссылаясь на их незначительность, для исследователя уже непростительно — слишком большое место они занимают в жизни современного человека.

Еще недавно если видеоигры и привлекали всерьез внимание широкой общественности, то, как правило, в крайне неблагоприятном контексте, вызывая к публичной дискуссии критиков, порой придерживавшихся противоположных позиций критикам современным. Так, разного рода реакционеры, удовлетворяя спрос обеспокоенных родителей на подтверждение их опасений и желание переложить ответственность, рассказывали об игровой зависимости и потери связи с реальностью. Здесь примечателен пример с массовым убийством в старшей школе Columbine 1999 года, когда выяснилось, что убийцы были фанатами игры Doom 1993 года — одной из первых видеоигр жанра First-Person-Shooter и первой игрой с по-настоящему кровавым графическим контентом. И, несмотря на то, что детализация была крайне низкой (это влияет на вовлечение игрока) [3], и прямой связи между впечатлением от игры и произошедшей трагедией выявлено не было, некоторые эксперты смело заявили, что 15 мертвых школьников на совести у разработчиков Doom. Этот случай стал прецедентом, натолкнувшим на подобные обсуждения и в дальнейшем, например, по поводу стрельбы в школе № 263 в Москве в 2014 году.

Однако данная дискуссия уже далеко не так актуальна (все больше исследований показывают отсутствие связи жестокости в видеоиграх и поведении игроков) [4], как дискуссия, вызванная критикой видеоигр со стороны так называемой прогрессивной общественности, поднимающая вопрос конструирования гендерных образов в видеоиграх.

Доля женщин среди игроков на 2017 год довольно значительна и составляет 42 %, при этом женщин-геймеров старше 18 лет больше в процентном соотношении, чем мужчин-геймеров младше 18 лет (31 % и 18 % соответственно) [1], что частично объясняет повышенный интерес к гендерной репрезентации в видеоиграх в последние годы, как со стороны игроков, так

и со стороны разработчиков, заинтересованных в удовлетворении растущего спроса на реализм в видеоиграх. Доля женщин среди покупателей видеоигр меньше, чем среди игроков (37 %) [1], но все еще значительна для рынка, а совершеннолетние женщины, возможно, являются более избирательными потребителями, чем юноши, и почти наверняка критичнее относятся к гендерной репрезентации вообще. В связи с этим также интересна статистика оценки репрезентации женщин в видеоиграх, показавшая, что одинаковое количество респондентов поставило оценки «хорошо» и «плохо», однако первую оценку поставили 30,8 % мужчин и 17,6 % женщин, а вторую — 25,8 % мужчин и 35,3 % женщин [5].

Целью данного исследования являлась оценка обоснованности современной критики гендерной репрезентации в видеоиграх, для чего было необходимо рассмотреть технические средства и психологические основания формирования этой репрезентации. В результате оценки пришлось усомниться в критике и предложить альтернативное обоснование репрезентации.

1. Entertainment Software Association, Essential Facts about the Computer and Video Games Industry. 2017. URL: http://www.theesa.com/wp-content/uploads/2017/04/EF2017_FinalDigital.pdf.

2. Newzoo Games, Free 2016 Global Games Market Report: An Overview of Trends and Insights. 2016. URL: https://cdn2.hubspot.net/hubfs/700740/Reports/Newzoo_Free_2016_Global_Games_Market_Report.pdf.

3. *Ivory J. D., Kalyanaraman S.* The Effect of Technological Advancement and Violent Content in Video Games on Players' Feelings of Presence, Involvement, Physiological Arousal, and Aggression // *Journal of Communication*. 2007. № 57. P. 532–555.

4. *Zendle D., Kudenko D., Cairns P.* Behavioural realism and the activation of aggressive concepts in violent video games // *Entertainment Computing*. 2018. V. 24. P. 21–29.

5. *Kondrat X.* Gender and video games: How is female gender generally represented in various genres of video games? // *Journal of comparative research in anthropology and sociology*. 2015. № 6. P. 171–193.

Научный руководитель — канд. филос. наук И. С. Кудряшов

Технологии манипуляции массовым сознанием в региональных печатных СМИ

А. М. Каткова
Новокузнецкий институт,
филиал Кемеровского государственного университета

Актуальность темы исследования заключается в том, что средства массовой информации в современном обществе являются мощным фактором влияния на сознание масс. Вопреки своей основной задаче отражать общественное мнение, СМИ его создают. Проблема состоит в том, что большая часть населения не знает о сущности и способах манипулирования общественным сознанием, поэтому легко поддается манипулятивному воздействию.

Проблема исследования — отсутствие информации о приемах манипуляции сознанием аудитории, используемых в региональных печатных СМИ. Объект исследования — манипуляция массовым сознанием аудитории. Предмет исследования — приемы манипуляции сознанием аудитории в публикациях региональных печатных СМИ. Цель исследования — изучить использование приемов манипуляции сознанием аудитории в региональных печатных СМИ (на примере газеты «Кузнецкий рабочий»).

С помощью контент-анализа проанализированы 100 публикаций газеты «Кузнецкий рабочий» (г.Новокузнецк, Кемеровская область) за 2017 год. Газета была выбрана по следующим признакам: наличие общедоступного сайта в интернете; разнообразная тематика (является общественно-политической); длительность существования; опубликование материалов преимущественно общегородской тематики.

В результате исследования выявлены характеристики публикаций, содержащих манипуляцию, а также приемы манипуляции сознанием аудитории. Авторами материалов в газете «Кузнецкий рабочий» в большей степени являются журналисты. Авторская оценка сообщений в публикациях сбалансированная. В 27 % публикаций автор нейтрально относится к передаваемой информации.

Тип информации в публикациях газеты преимущественно имеет констатирующий характер — 77 %. Побудительная информация представлена в 23 % случаев. В анализируемых публикациях характер сообщений в 67 % случаев носит неофициальный характер. Остальные 33 % публикаций относятся к официальным сообщениям. Основные темы публикаций — экономические и политические.

Анализ публикаций показал, что в сообщениях газеты присутствуют манипулятивные приемы психотехнологий. Часто употребляемым в этой группе

является прием использования пугающих тем и сообщений, который заключается в присутствии в сообщении информации, указывающей на наличие угрозы жизни, имуществу, благосостоянию, безопасности, статусу и т. д.

Также была выявлена группа приемов манипуляционных технологий посредством управления информационными потоками или информационной средой. Самым популярным в этой группе оказался прием опережающего использования затруднительного вопроса или проблемы. Он всегда связан с одновременной подготовкой пропагандистского мероприятия, для того чтобы спровоцировать другую сторону на невыгодные для него действия.

В текстах были найдены такие приемы манипуляционных технологий, как актуализация ценностных представлений аудитории. Самый распространенный прием — использование слов, относящихся к основным ценностям общества. К таковым относятся эмоционально окрашенные слова, которые являются убедительными без дополнительной информации. Это может быть связано с тем, что данный метод апеллирует к таким чувствам, как любовь к стране, дому, к желанию мира, свободы, желанию гордиться родиной и т. д. и таким образом оказывается практически беспроегрешным.

В группе манипуляционных технологий посредством использования механизмов социального контроля лидирующее место занимает прием использования авторитетов (групп влияния). В качестве таких групп влияния могут выступать известные политические деятели, деятели культуры, руководители предприятий, преподаватели высших и средних учебных заведений и т. д.

Приемы манипуляционных технологий посредством рациональных, убеждающих аргументов также присутствовали в текстах публикаций. В одной трети публикаций используется прием утвердительных заявлений, но стоит заметить, что эти утверждения могут быть как достоверными, так и не достоверными.

Информация, полученная в результате исследования, может быть полезна журналистам, политикам для создания текстов, воздействующих на сознание аудитории, а обычным гражданам — для защиты от воздействия недобросовестных СМИ.

Научный руководитель — канд. социол. наук, доцент Н. В. Демчук

**Интернет-коммуникация в молодежной среде:
структура, особенности**

К. Б. Воронцова
Новокузнецкий институт,
филиал Кемеровского государственного университета

С появлением глобальной сети молодежь большую часть времени проводит в Интернете. Здесь и происходит процесс коммуникации. Общение становится опосредованным, глобальная сеть постепенно его вытесняет, заменяя личные встречи разговорами в виде переписки в чатах, мессенджерах, социальных сетях.

Процесс коммуникации в сети обнаруживает следующие особенности: общение должно быть коротким и коммуникативно-эффективным; с целью быстрой передачи информации нивелируются знаки препинания; передача интонации и чувств происходит с помощью «смайликов» (специальные знаки, призванные передавать эмоции и чувства).

Эмпирической базой статьи выступают результаты социологического исследования, где изучались особенности процесса коммуникации в сети Интернет. В исследовании было задействовано два метода — социологический эксперимент и полуструктурированное интервью. Целью эксперимента было выявить реакцию молодых людей на адресуемую им литературную речь. Суть эксперимента заключалась в следующем: испытуемым отправлялось сообщение в социальной сети «ВКонтакте», написанное литературным языком. В полученном сообщении мы наблюдали, какой формой языка ответит нам собеседник и проверяли его по следующим критериям: объем сообщения (ответа); наличие «смайликов», знаков препинания; язык повествования (литературный, нелитературный); наличие обрывочности в сообщениях (ответ не цельный, а раздроблен на несколько отрывистых фраз).

С помощью интервью мы хотели узнать о словоупотреблении в Интернет-общении: какие слова используют, как часто и с какой целью, используют ли респонденты Интернет-сленг вне виртуальности, в реальном общении.

Проанализировав полученные в ходе эксперимента данные, мы обнаружили следующее. По результатам эксперимента видно, что в ответах большинства участников содержится полное непонимание того, почему сообщение написано литературным языком. Это говорит о том, что экспериментатор нарушил правила Интернет-коммуникации. Участники эксперимента выдвигали различные предположения, объясняющие, почему адресант мог послать им такое сообщение. По объему сообщения были достаточно разные. В основном респонденты отвечали короткими фразами,

лишь ответы двоих участников были максимально приближены к форме литературного языка. В ответах некоторых участников эксперимента также присутствовала раздробленность текста на несколько сообщений, которые состояли из одного-двух слов. «Смайлики» присутствовали в большинстве полученных сообщений в форме либо скобки «)», либо смайла, прикрепленного к самому приложению «Вконтакте».

По результатам проведенного интервью мы увидели, что все респонденты используют Интернет-сленг в виртуальной коммуникации, причем довольно часто, сокращают слова с целью быстрого написания сообщения. Знаки препинания в Интернет-коммуникации некоторые респонденты не считают важными. По мнению большинства респондентов, Интернет-сленг засоряет язык и снижает уровень речевой культуры, но использование Интернет-сленга считается допустимым в повседневной речи, хотя и не со всеми людьми. Многие информанты отметили, что они переносят сленговые выражения из виртуального общения в свою повседневную речь. Самыми популярными выражениями, которыми пользуются респонденты, как в повседневной устной речи, так и в виртуальной, оказались: «гоу», «гуглить», «забей», «угарать», «хз», «ок», «кайф», «лагать». Также участникам было предложено дать определения словам, которые характерны для Интернет-коммуникации. В ответах по толкованию слов значительных отличий наблюдалось очень мало. Таким образом, мы можем утверждать, что респонденты не испытывали трудностей с определением значений слов за исключением англоязычных.

Нами были выделены следующие особенности Интернет-коммуникации: она происходит в письменной форме; Интернет, социальные сети — особая коммуникативная среда, где не все правила литературной письменной речи реализуется. Интернет-речь — это новое лингвистическое образование, которое существует теперь уже не только в письменной форме, но и в устной. Интернет-сленг употребляется молодежью в определенной ситуации; Интернет-слова перетекают из виртуальной коммуникации в повседневную устную речь. Что касается структуры Интернет-коммуникации, то чаще всего она выражается в обрывочности сообщений, сокращении слов и использовании «смайлов».

Научный руководитель — И. Н. Емельянова

Применение эвристик юзабилити для анализа невидимого пользовательского интерфейса

С. А. Алексеев

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Современные технологические концепции «Интернета вещей», «умного дома» в большинстве случаев предполагают построение невидимого взаимодействия между пользователем и технологией, это взаимодействие осуществляется посредством пользовательского интерфейса. Это предполагает построение новой парадигмы дизайна интерфейса, в которой полностью ликвидируются экраны и материальные технологические способы управления (дисплеи, пульта и т. д.). В научной среде пока не было сформулировано единого определения для такого типа интерфейса, но в профессиональном сообществе применяются термины невидимого пользовательского интерфейса (Invisible User Interface) и «нулевого» (ZeroUI / NoUI).

В складывающихся условиях внедрения технологических концепций, использующих невидимый пользовательский интерфейс, важно разработать критерии оценки подобного рода интерфейсов, способность сформировать позитивный опыт пользователя. Одной из принятых сегодня методологий оценки традиционных графических интерфейсов являются эвристические критерии, предложенные Якобом Нильсеном в 1990 году [1]. Цель настоящего исследования — провести эвристический анализ невидимого пользовательского интерфейса и определить, насколько данные критерии могут быть применимы к интерфейсам новой парадигмы.

Якоб Нильсон предлагает 10 эвристик — критериев оценки пользовательского интерфейса. В целом они направлены на анализ удобства интерфейса. Хотя эвристики и ориентированы на графические пользовательские интерфейсы, но, на наш взгляд, некоторые из них могут быть использованы и при анализе невидимых интерфейсов. К ним относятся критерии информированности о состоянии системы; пользовательского контроля и свободы действий; минимизации нагрузки памяти пользователя; гибкости и эффективности; понимания проблем и их решения[2]. Согласно вышеприведенным эвристикам пользователь всегда должен понимать, что происходит в системе, иметь возможность отменить любое действие, видеть и понимать возникающие проблемы, при этом не нагружая свою память.

Невидимый интерфейс лишает пользователя возможности в полной мере получать информацию о состоянии системы и осуществлять контроль, без применения видимых элементов управления, т. е. пользователь вынужден

будет выходить за рамки парадигмы невидимого взаимодействия. Невидимое взаимодействие минимизируют нагрузку на память человека, данная парадигма также достаточно гибкая, так как она не призвана к формированию у пользователей каких-либо привычных действий. Так, система, использующая технологию невидимого интерфейса, анализируя поведение человека, подстраивается под него. В качестве примера стоит привести разработку компании Google — «умный» термостат Nest [3]. Устройство запоминает, когда жильцы находятся вне дома, фиксирует время их возвращения и, на основании этой информации, включает подачу тепла перед приходом хозяев. Невидимые пользовательские интерфейсы ограничены в обратной связи и не способны самостоятельно информировать пользователя о возникших проблемах, вследствие чего пользователь вынужден обращаться к видимым элементам системы.

Свое решение проблем, возникающих внутри невидимого взаимодействия, предлагают исследователи Rehman K. и др. [4]. Анализируя концепцию «ubiquitous computing», они говорят об обязательном включении элементов визуализации в невидимое взаимодействие для полного обеспечения контроля системы со стороны пользователя и обратной связи.

Таким образом, с позиций эвристики юзабилити невидимые интерфейсы имеют ряд проблем и не могут полностью сохранять свою автономность. Для полного соответствия эвристическим требованиям разработчики будут вынуждены прибегать к использованию графических пользовательских интерфейсов или к каким-либо другим видимым способам управления со стороны пользователя.

1. *Nielsen J., Molich R.* Heuristic evaluation of user interfaces // Proceedings of the SIGCHI conference on Human factors in computing systems. ACM, 1990. P. 249–256.

2. *Nielsen J.* 10 usability heuristics for user interface design // Fremont: Nielsen Norman Group [Consult. 20 maio 2014]. Disponível na Internet. 1995.

3. Meet the 3rd generation Nest Learning Thermostat. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1qkSkOn4h-A> (Дата обращения: 18.01. 2018).

4. *Rehman K., Stajano F., Coulouris G.* Interfacing with the invisible computer // Proceedings of the second Nordic conference on Human-computer interaction. ACM, 2002. P. 213–216.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доцент Н. Н. Зильберман

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

УДК 316.014

Социальные аспекты кредитного поведения населения

А. Е. Сиделева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления (НИНХ)

В течение последних лет объем кредитования стабильно увеличивается. Однако исследовательская практика показывает, что уровень доверия и готовность населения брать кредиты падает. С одной стороны, исследования указывают на то, что население России с каждым годом все больше вовлекаются в процесс кредитования, но с другой — индекс кредитного доверия падает, что говорит об обратной тенденции.

Целью проведенного исследования является изучение социальных аспектов кредитного поведения новосибирцев и выявление причин недоверия населения к кредитованию. Задачами — выявление мотивов кредитного поведения новосибирцев; определение факторов, влияющих на кредитное поведение населения и причин нежелания брать кредит и проблемы, связанные с кредитованием.

Объект исследования — население г. Новосибирска. Предмет — социально-экономические установки заемщиков и потенциальных участников кредитных отношений г. Новосибирска.

За основу анализа было взято распределение респондентов по возрасту. Наиболее активным населением с точки зрения кредитования являются три категории — от 26 до 40 лет (36 %), от 41 до 55 лет (30 %) и от 56 до 70 лет (18 %).

Наивысшая степень готовности вступать в кредитные отношения наблюдается у самой младшей группы — 26–40 лет (60 %). Так, кредиты берутся на приобретение недвижимости (40 %), ремонт жилплощади (20 %), покупку автомобиля (13 %). Наименьший показатель принадлежит группе от 56 до 70 лет — 20 %. Это объясняется экономической и трудовой активностью населения. По мере взросления ориентиры респондентов меняются в сторону покупки автомобиля (25 %), оплаты обучения (25 %) и открытия бизнеса (8 %) (от 41 до 55 лет).

В вопросе, касающемся приобретения дорогостоящих товаров с формулировкой «на данный период экономического развития страны», общий процент положительных ответов снизился. 54 % респондентов в возрасте от 26 до 40 лет, 36 % в возрасте от 41 до 55 лет и 15 % опрошенных последней категории дали положительный ответ, что в целом говорит о негативно оценке экономической ситуации России.

При оценки респондентами своего материального положения выявилась следующая зависимость: чем ниже доход заемщиков, тем больше мелких кредитных практик, и наоборот, чем больше достаток, тем крупнее суммы кредита, однако частота обращения в кредитные организации меньше. Еще одна тенденция — нежелание брать в кредит выразили преимущественно те люди, которые отметили, что их материальное положение за последнее время ухудшилось (около 80 % от числа респондентов, давших негативный ответ).

В большинстве случаев заемщиками являются люди, относящиеся к категориям низшего и среднего класса, первых двух возрастных категорий, имеющие семью и детей. От возраста детей зависит целевой объект кредитования. В возрастной категории до 14 лет люди в большинстве случаев имеют кредиты на недвижимость и автомобиль. Люди, имеющие взрослых детей, оплачивают кредиты на образование, на приобретение дорогостоящих товаров и пр.

Причинами нежелания вступать в кредитные отношения для категории от 26 до 40 лет — неудовлетворение условиями кредитования (20 % респондентов) и неуверенность в стабильности дохода (30 %). Для представителей средней возрастной категории — отсутствие необходимости брать кредит (30 % от общего числа), недоверие кредитным организациям и принципиальное нежелание быть должным (по 20 % соответственно). Люди старшей категории отмечают неуверенность в возможности выплаты кредита (60 %), боязнь залезть в долги (25 %) и неудовлетворение условиями (10 %).

Люди с лучшим материальным положением лояльнее относятся к кредиту, когда менее обеспеченные стремятся решить свои материальные проблемы самостоятельно, используя свое близкое окружение.

Основной проблемой является «смазанный» портрет типичного участника кредитных отношений. Говорить о существовании «типа» в этой исследовательской области невозможно. Наиболее неустойчивым показателем также является «семейное положение» и «наличие и количество детей в семье».

Уровень социального доверия к банкам и банковским организациям низок. Россияне в большей степени пользуются займами у родственников, друзей и знакомых, чем обращаются в кредитные учреждения (до 300 тысяч рублей).

Данную ситуацию усугубляет финансовая и правовая неграмотность и неинформированность населения.

Для устранения этих проблем банкам необходимо пересмотреть условия кредитования, разработать отдельные программы кредитования для семей, повышать уровень финансовой грамотности населения и их информированности. Для осуществления всех этих задач необходимы благоприятные экономические условия.

Если предложенные варианты решения проблемы будут использованы на практике, уровень доверия населения к кредитованию будет повышен.

Научный руководитель — канд. социол. наук, доцент Е. В. Наумова

Динамичность институциональных и экономических условий как предпосылка жилищной мобильности россиян

И. А. Бородихина

Новосибирский государственный университет

Социальная мобильность населения отличает современное общество. В общем смысле под социальной мобильностью понимается смена индивидами или социальными объектами своей социальной позиции. Такое перемещение в большей степени наблюдаемо и фиксируемо, когда оно происходит в физическом пространстве. Одной из форм пространственной мобильности является жилищная, т. е. смена индивидом или семьей жилищных условий, а следовательно, и жилищного статуса.

Считая жилье главным элементом нефинансового богатства домохозяйств, можно утверждать, что оно является адекватным индикатором материального благосостояния населения. С этой точки зрения, рассматривая «жилищную историю» индивидов и семей, можно получить представление о том, как изменялась во времени жилищная стратификация.

Сейчас в открытом доступе есть данные о жилищном фонде страны, его благоустройстве, о владении нефинансовыми активами населением, а также условиях, при которых эти явления происходят. Однако нераскрытыми остаются индивидуальные истории людей и семей, которые стоят за всеми цифрами. Данные статистики и обследований домохозяйств не дают непосредственной информации о том, какие события, условия и предпосылки делают людей мобильными. Таким образом, главный исследовательский интерес работы состоит в том, чтобы выяснить соотношение этих личностных контекстов и институциональной среды жилищных перемещений в условиях меняющейся жилищной стратификации.

В исследовании жилищной мобильности важно учитывать, в какой институциональной среде происходят изменения. Так, первым значительным событием 1990-х годов в жилищной сфере стала приватизация жилья, что способствовало приобретению прав собственности на жилье. Позже банки стали предоставлять жилищные кредиты населению, но к такому способу заимствования россияне отнеслись в целом скептически. Сильным толчком изменений в жилищной сфере стал национальный проект «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», который способствовал развитию ипотечного кредитования. Чтобы оценить эффект этих изменений в жилищной сфере в масштабах всего населения, обратимся к данным.

На сегодняшний день, помимо официальной статистики, доступна и другая информация о жилье и жилищных условиях домохозяйств, на основе ко-

торой можно проследить динамику жилищной стратификации. Например, данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (РМЭЗ) позволяют составить представление о динамике благосостояния населения, в том числе о состоянии нефинансовых активов россиян. В исследовании анализируются данные пяти волн мониторинга, начиная с его запуска в 1994 г. и до 2016 г.

В качестве основания для выделения жилищных групп могут выступать различные критерии, а в нашем исследовании в качестве таковых выбраны два: собственность на занимаемое жилье (приватизированное, неприватизированное, арендуемое и общежитие) и наличие другой жилой недвижимости в собственности домохозяйства (нет совсем или есть один-два дополнительных объекта недвижимости). Так, на пересечении этих двух критериев получилось восемь жилищных групп.

Говоря о динамике их численности с 1994 по 2016 гг., стоит отметить следующие моменты. Доля домохозяйств, проживающих в собственном жилье (приватизированном или самостоятельно построенном), выросла с 49,5 % в 1994 г. до 88,5 % в 2016 г. При этом увеличилась и доля домохозяйств, имеющих в собственности иную жилую недвижимость, что говорит о тенденции приобретения населением дополнительных объектов нефинансового богатства. Доля домохозяйств, проживающих в общежитии, снизилась незначительно (с 4,3 % в 1994 г. до 2,5 % в 2016 г.), а доля живущих в арендуемом жилье практически не изменилась — в среднем около 5 %).

Анализ изменений жилищных условий путем подсчета количества благ в жилье (оценивалось наличие отопления, центрального водопровода, горячей воды, газа или электроплиты и центральной канализации) тех же домохозяйств показал, что жилой фонд в целом стал более благоустроенным. Сократилась доля домохозяйств без благ — с 16,8 % до 5,5 % — за счет сельской местности: там спад произошел с 52,8 % до 18,4 %. Анализ наличия благ по отдельности показал большой скачок доли сельских домохозяйств с газом или электроплитой (с 26,2 % до 70,9 %).

Таким образом, последние 25 лет жилищная сфера развивается динамично, что отражается на численности различных жилищных групп и критериях их выделения. На следующем этапе исследования мы представим серию личных интервью с респондентами разного возраста, проживающих в различных жилищных условиях (по критерию прав собственности на это жилье) для выявления личностного контекста жилищной мобильности, результаты которых будут рассмотрены в выступлении.

Научный руководитель — канд. социол. наук Черкашина Т.Ю.

Экспериментальный анализ дискриминации на рынке труда в крупных экономических центрах Сибири

Н. Н. Рябушкин, М. Д. Ким

Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

Одной из острых социальных проблем является обеспечение занятости населения. Данная проблема усугубляется тем, что работодатели могут дискриминировать людей по полу, возрасту, уровню образования, стажу работы, национальному признаку. Исследователи дискриминации на рынке труда сходятся в том, что доказать ее наличие очень трудно. Зачастую как аргумент о наличии дискриминации предлагают результаты сравнения разных групп по заработной плате и занятости. Однако данный подход не позволяет учесть, что различия могут объясняться иными факторами, например, одни категории людей могут выбирать более рискованные виды деятельности с более высокой оплатой, тогда как другие выбирают пусть и более низкий, но стабильный заработок.

Для выявления наличия дискриминации за рубежом получил распространение подход, основанный на полевом эксперименте, суть которого состоит в рандомизированной рассылке фиктивных резюме кандидатов, сходных по всем характеристикам и отличающихся принадлежностью к дискриминируемой группе. Рандомизированный подход позволяет нейтрализовать влияние прочих факторов и получить количественную оценку дискриминации.

Новизна исследования состоит в том, что, насколько нам известно, это первое подобное исследование в России — большой стране со своей спецификой рынка труда, отличающейся от развитых стран. В России ранее не проводились подобные исследования, т. е. о них не подозревают работодатели, поэтому условия эксперимента — более чистые по сравнению с развитыми странами, где подобные эксперименты проводятся регулярно.

Данное исследование представляет собой полевой эксперимент, в ходе которого было отправлено 1633 фиктивных резюме работодателям из Новосибирска, Омска и Красноярска. Резюме составлены на основе реальных резюме, представленных на интернет-ресурсах. Поиск вакансий осуществлялся на основе сайтов по поиску работы: Head Hunter, Career, Zarplataru, при этом были выбраны такие должности, как продавец и экономист. Каждая вакансия заносилась в агрегированную базу с указанием организации, претендуемой должности, e-mail отдела кадров, а также идентификационных номеров кандидатов, резюме которых были отправлены в качестве потенциальной рабочей силы.

Для рассылки резюме создавались фиктивные почтовые ящики на ресурсах Yandex и Mail group. Каждому кандидату в зависимости от качества его резюме, составлялось сопроводительное письмо, соответствующее качеству резюме. Для высококачественных резюме сопроводительные письма были написаны грамотным языком, без орфографических и синтаксических ошибок, добавлены специальные навыки и повышение квалификации.

Для сбора откликов использовались мобильные телефоны и SIM-карты одного из Российских поставщиков услуг мобильной связи. Также работодатели присылали ответы на резюме на электронные адреса

При составлении резюме учитывалась критика Д. Ньюмарка, который отметил, что для корректной оценки дискриминации все резюме не должны быть идентичными, а необходима вариация в резюме (при этом сравнение все равно проводится только по идентичным резюме, различающимся исключительно одним признаком). Для обеспечения вариации резюме отличаются по «качеству», которое отражается в первую очередь полнотой, наличием нетривиальных характеристик соискателя, наличием орфографических и пунктуационных ошибок [2]. В качестве потенциальных дискриминирующих признаков выбраны пол, возраст, наличие детей и национальность. Национальность не указывалась в явном виде, а как в оригинальном исследовании М. Бертран и С. Муллаинатана определялась работодателем исходя из имени, отчества и фамилии соискателя [1]. Для этого были выбраны часто встречающиеся имена, характерные для представителей коренной национальности (русских) и национальных меньшинств (прежде всего, народов Сибири).

Результаты исследования показывают очень сильную дискриминацию по национальному признаку. Также выявлено дискриминация женщин по возможности появления ребенка (во всех резюме возраст женщин колебался от 24 до 29 лет, т. е. в этом возрасте высока вероятность появления ребенка в семье). У женщин без детей доля приглашений была наиболее низкой, в то время как у женщин, указавших то, что они не планируют детей, — наиболее высокой. Кроме того, было выявлено, что мужчины хоть и реже получают приглашения, в то же время их чаще приглашают на должности с более высокой заработной платой.

1. *Bertrand M., Mullainathan S.* Are Emily and Greg more employable than Lakisha and Jamal? A field experiment on labor market discrimination // *American Economic Review*. 2004. V. 94. P. 991–1013.

2. *Neumark D.* Detecting Evidence of Discrimination in Audit and Correspondence Studies // *Journal of Human Resources*. 2012. V. 47. P. 1128–1157.

Научный руководитель — канд. экон. наук, доцент С. Д. Капелюк

Кто «работает по специальности»? Детерминанты соответствия занятости полученному образованию

А. А. Сергеева

Новосибирский государственный университет

В стране нет массовой системы распределения выпускников профессиональных учебных заведений (разных уровней образования) по рабочим местам, и выпускники обладают свободой выбора будущих мест работы, который ограничен состоянием рынка труда, готовностью к переездам, семейными обстоятельствами и другими причинами. Стремительные технологические изменения ведут к тому, что появляются новые виды деятельности, и система образования не успевает за их появлением. Государство, в свою очередь, заинтересовано в эффективности системы образования: затраты на образование должны быть целевыми, и в качестве критерия целевого использования таких средств часто называют работу выпускников по специальности. Осталось выяснить, чем же именно определяется данный критерий, а точнее какие показатели определяют дальнейшую работу по специальности. Зависит ли это только от специфики полученной специальности, или же условия труда тоже играют важную роль? Оказывают ли влияние на работу по специальности особенности территории проживания работников и их социально-демографические характеристики?

Теоретический объект исследования — структура занятости российского населения; предмет исследования — соответствие занятости полученному образованию. Цель данного исследования заключается в выявлении индивидуальных, трудовых и территориальных детерминант соответствия занятости полученному образованию. В качестве информационной базы исследования выбрано Комплексное наблюдение условий жизни населения за 2016 г. (КОУЖ 2016), которое проводится Росстатом во всех субъектах Российской Федерации с охватом 60 тыс. домохозяйств. Эмпирическим объектом исследования является занятое население России старше 18 лет.

По самооценке респондентов их основная занятость полностью соответствует полученному образованию у 40,5 % опрошенных, из них 48 % — мужчины, 52 % — женщины (среди всего работающего населения мужчин 52,5 %, женщин, соответственно, 47,5 %); 15,5 % считают, что работают по близкой специальности (56 % — мужчины, 43 % — женщины), 43 % работают не по специальности (55 % — мужчины, 45 % — женщины), и лишь менее 1 % затруднились ответить. Для проведения дальнейшего анализа, в том числе бинарной логистической регрессии, были объединены две зна-

чения шкалы оценки — основная работа полностью соответствует полученному образованию или по близкой специальности (всего 56 %).

Если рассматривать отдельные поколения среди работающего населения, то наибольший процент работающих близко или полностью по полученной специальности наблюдается у средних поколений — 59 % в возрастной категории 31–40 лет и 58 % в категории 41–50 лет. Из молодежи до 30 лет работают по специальности 55 %; минимальный этот показатель среди тех, кому 61 год или больше — 50,5 %. Около 52 %, работающих близко или полностью по специальности, имеют среднее профессиональное образование, а 45 % обладают степенью специалиста / магистра. В случае с теми, кто работает не по специальности, преобладают также люди, имеющие среднее профессиональное образование, но уже с меньшей долей (46 %), а также 20 % имеют степень специалиста / магистра.

Из числа респондентов, проживающих в городской местности, близко или полностью по полученной специальности работают почти 60 %, среди которых равные доли представителей мужского и женского пола. В сельской же местности доля работающих близко или полностью по полученной специальности значительно меньше — 47,5 %, а доля мужчин среди них больше доли женщин: 53,5 % и 46,5 % соответственно. Помимо типа населенного пункта также важно рассмотреть и его размер, но об этом более подробно мы расскажем в докладе.

С учетом содержания информационной базы для анализа в качестве возможных детерминант соответствия занятости полученному образованию были выбраны следующие показатели: пол респондента, возраст, вид основной рабочей деятельности, степень помощи полученного образования или специальной подготовки для нынешней работы, безопасность работы с точки зрения вероятности несчастного случая, физические затраты при выполнении основной работы, условия труда, уровень образования, тип и размер пункта проживания. Также на основе Общероссийского классификатора занятий (ОКЗ) виды профессиональных занятий были распределены на несколько групп: военнослужащие, государственные управляющие, медицинские работники, работники в сфере образования, работники в сфере услуг и т. д.

В докладе будет представлено более подробное описание дифференциации соответствия занятости полученному образованию для разных категорий работающих, а также регрессионное уравнение, наглядно определяющее конкретные детерминанты соответствия занятости населения полученному образованию и степень влияния каждого из них.

Научный руководитель — канд. социол. наук Т. Ю. Черкашина

Готовность студентов к построению карьеры

А. И. Зубарева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления (НИНХ)

Современная молодежь, в частности, представители студенчества считаются достаточно активными, прогрессивными и целеустремленными. В процессе обучения и приобретения профессиональных навыков у студентов формируются основные жизненные приоритеты, ценностные ориентации и цели. Студенческая молодежь прогнозирует свое будущее, в том числе и карьерную стратегию. Однако кризисное состояние страны не позволяет молодым быстро адаптироваться в новом социально-экономическом пространстве и, тем более, выработать долгосрочную карьерную стратегию, которая смогла бы гарантировать достижение поставленной цели. Поэтому, с одной стороны, молодые люди готовы построить долгосрочную карьерную стратегию, а с другой стороны, инфантилизм, пассивность, подчиненность обстоятельствам мешают студентам сделать это.

Для того чтобы изучить реальную практику по исследуемой проблематике, нами было проведено эмпирическое исследование в 2017 году. Выборочная совокупность составила 128 респондентов. Вид выборки — двухступенчатая стратифицированная. Объектом исследования стали студенты Новосибирского государственного университета экономики и управления, а предметом исследования — готовность студентов к построению карьеры. В рамках предложенной статьи рассмотрим лишь некоторые вопросы анкеты. Для исследования готовности выйти на рынок труда были предложены следующие суждения (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на предложенные суждения, %

Суждения	Согласен	Скорее согласен	И согласен, и не согласен	Скорее не согласен	Не согласен
Моя пассивность не дает мне возможности составить план действий на будущую карьеру	14,1	19,5	26,6	21,1	18,8
Я готов в полной мере взять ответственность за свой карьерный выбор, даже если он неправильный	50	35,2	12,5	0	2,3

Суждения	Согласен	Скорее согласен	И согласен, и не согласен	Скорее не согласен	Не согласен
Мою деятельность сдерживает мой собственный инфантилизм и лень	28,9	31,3	18,8	9,4	11,7
Мое карьерное будущее полностью зависит от меня, а не от обстоятельств и окружения	41,4	28,9	20,3	7,8	1,6

Как можем видеть из табл. 1, большинство студентов (суммарно 91,4 %) готовы взять ответственность за свою будущую карьеру. Но в то же время 60,2 % признают, что им мешает инфантилизм и лень. 33,6 % респондентов признают наличие пассивности. Как можем заметить, несмотря на наличие пассивности, инфантилизма и лени, студенты готовы нести ответственность за свой карьерный выбор.

Для получения более глубокой картины по изучаемому вопросу респондентам был задан вопрос о степени готовности выйти на рынок труда (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Укажите степень вашей готовности выйти на рынок труда после окончания вуза», %

Степень согласия	%
Полностью готов	15,6
Скорее готов	32,0
Затрудняюсь ответить	31,3
Скорее не готов	12,5
Полностью не готов	8,6

Согласно полученных результатов, 47,6 % в той или иной мере готовы выйти на рынок труда. 31,3 % сомневаются в этом, а 21,1 % респондентов пока не готовы начать работать.

Таким образом, значительная доля студенческой молодежи готова планировать свое будущее и уже сегодня выйти на рынок труда, брать на себя ответственность. Однако около трети опрошенных пассивны и пока не готовы выйти на рынок труда после окончания вуза.

Научный руководитель — д-р. соц. наук, проф. С. А. Ильиных

Потребительское поведение студенческой молодежи в сфере питания

О. С. Маковецкая

Новосибирский государственный университет
экономики и управления (НИНХ)

Питание является важнейшей составляющей здоровья человека. По данным Всемирной организации здравоохранения, состояние здоровья человека лишь на 15 % зависит от организации медицинской службы. Примерно такой же процент приходится на генетические особенности, 70 % здоровья определяются образом жизни и питанием. Неправильное питание становится серьезным фактором риска развития многих заболеваний. В последние годы наблюдается обострение проблемы здорового питания населения России в целом. Для студентов характерны такого рода ситуации, поскольку у молодежи не хватает времени или средств, чтобы следить за своим здоровьем. Так, в обществе возникает проблема: несмотря на то, что студенты являются более информированными (в том числе и в сфере питания), они часто не уделяют должное внимание тому, что и как они покупают на рынке питания, отчего их поведение можно назвать нерациональным.

Цель проведенного исследования — выявить особенности потребительского поведения студентов 1–4 курсов НГУЭУ в сфере питания.

В ходе анализа полученных данных были сделаны следующие выводы.

Как правило, студенты приобретают продукты питания несколько раз в неделю. При этом они тратят на продукты около половины общего бюджета (около 41–60 %). Наиболее частыми являются покупки хлебобулочных изделий, молочных продуктов, овощей и фруктов, а также кондитерских изделий. Названные выше категории товаров потребляются нами ежедневно, поэтому спрос на них значительно выше, чем на другие продукты. Стоит отметить, что доля студентов первого курса, покупающих продукты питания каждый день, велика — 55,5 % опрошенных. При этом большинство студентов старших курсов (64,7 %) приобретают продукты несколько раз в неделю. Так, мы видим, что старшекурсники приобретают продукты питания чаще, чем студенты первого курса.

При покупке продуктов питания студенты в первую очередь обращают внимание на цену, затем на качество и на внешний вид товара. При этом стоит отметить, что при выборе мясных изделий и рыбы внимание обращается, прежде всего, на качество товара — 56 % и 55 % соответственно. Также немаловажен внешний вид товара — в этом случае 43 % и 41 % респондентов отмечают данный факт. Несмотря на важность качества продукции, студен-

ты не так часто уделяют внимание составу товара — данный показатель находится на предпоследнем месте. При выборе алкогольной продукции очень важен производитель — его отметили 48 % опрошенных.

Чаще студенты приобретают продукты питания в супер- и гипермаркетах («Горожанка», «Магнит», «Лента», «Ашан»). Данные сети магазинов популярны среди потребителей, в них регулярно проводятся акции и скидки на различные товары (не только на продукты питания), в некоторых из них существует система дисконтных карт, что, несомненно, привлекает студенческую молодежь, прежде всего обращающую внимание на цену товара. Многие студенты заинтересованы в скидках и акциях на такие продукты питания, как чай и кофе, кондитерские изделия, крупы и макароны, овощи и фрукты, молочная продукция.

Отмечается проведение досуга в кафе и ресторанах (наиболее популярны «KFC», «Своя компания», «Перчини» и различные кофейни). Как правило, студентов привлекает приятная атмосфера и доступные цены, а также отличный вкус блюд.

Стоит сказать о возможностях питания в университете. Студенты посещают и столовую, и киоски НГУЭУ. Качество питания в обоих местах оценивается как «выше среднего», но существуют неприятные отзывы о ценах: в столовой они чуть завышены (с этим студенты готовы смириться), в киосках — слишком завышены. Кампусной картой не пользуются более половины студентов, поскольку это не очень удобно.

Интересен факт, что старшекурсники чаще посещают столовую НГУЭУ, а первокурсники — киоски университета, что следует из следующих данных: большая часть первокурсников (50 %) посещают столовую несколько раз в семестр, а большинство старшекурсников (42,5 %) — несколько раз в неделю. Это говорит, скорее, об уделении внимания старшекурсников своему питанию, о его сбалансированности. Ситуация с киосками оборачивается в противоположную сторону: старшекурсники (35,1 %) приобретают еду в киосках несколько раз в семестр, а первокурсники (41,6 %) — несколько раз в неделю.

Таким образом, можно выделить основные проблемы потребительского поведения студентов НГУЭУ в сфере питания. Прежде всего, это касается цен на продукты питания. В последнее время цены на товары возрастают, в то время как доходы студентов остаются на прежнем уровне. Поэтому молодежь начинает экономить различными способами. Существует также проблема цен «в стенах» университета. Если в столовой цены вполне приемлемы или слегка завышены, то в киосках отмечаются слишком высокие цены. Действительно, можно наблюдать, что цены в киосках выше в 2, а то и в 3 раза, чем в обычных магазинах.

Еще одна проблема студентов НГУЭУ заключается в неумелом обращении с кампусными картами. Возможно, одной из причин является незнание студентов о данной возможности. Также расчет кампусной картой является

не вполне удобным: для начала нужно снять деньги с другой карты (Сбербанк, ВТБ24 или МДМ), а потом внести их на кампусную карту.

Чтобы решить вышеописанные проблемы, нужно проводить различные исследования, выявляющие особенности потребительского поведения студентов в сфере питания, формировать доступные цены на продукты, создать более удобные условия пользования кампусной картой, а также воспитывать в детях рационального человека, грамотно определяющего свои потребности и умеющего поступить правильно в той или иной ситуации покупки.

Научный руководитель — канд. социол. наук, доцент Е. В. Наумова

Семейное образование как один из форматов получения основного общего образования в современной России

С. В. Проноза

Новосибирский государственный университет

В советское и постсоветское время экстернат или семейное обучение в России были скорее исключением, чем массовой практикой, но последние годы число обучающихся вне школы растет, расширяется их контингент.

Под семейным обучением в данной работе понимается случай, когда родители самостоятельно и целенаправленно организуют деятельность ребенка, направленную на его обучение, и, по мере необходимости, прикрепляют ребенка к школе в качестве экстерна для прохождения промежуточных или итоговых аттестаций. В форме семейного образования может быть получено основное общее образование, для среднего образования вне школы существует иная форма, самообразование.

На начало 2015–2016 учебного года около 0,058 % школьников России, т. е. около 8,5 тысяч обучающихся, находились на семейном образовании [2]. Имеется масса интернет-сообществ, коммерческие и общественные организации для поддержки экстерната, в 2012 году принят новый закон об образовании, в котором узаконены внешкольные формы получения образования. Тем не менее нормы для них еще не разработаны и родители, выбирающие для своего ребенка семейное обучение, являются первопроходцами, нарабатывая опыт путем проб и ошибок. В ряде случаев ребенок оказывается объектом неудачного эксперимента. Описание способов организации родителями семейного обучения позволит организовывать процесс оптимальнее.

В российских научных статьях освещены вопросы, связанные с историей развития семейного образования и с законодательством в данной области, в частности, описаны юридические и экономические проблемы организации семейного и заочного обучения [1]. Исследований повседневных практик семейного обучения в российской научной литературе (в отличие от зарубежной) найти не удалось.

В рамках исследования способов организации семейного обучения как одна из задач рассматривается описание того, каким образом родители осуществляют связь с системой образования (прикрепление к школе, система аттестаций, текущие контакты со школой).

На данный момент проведены 20 полуформализованных интервью с матерями, осуществляющими семейное обучение детей (1–8 класс) и проживающими в Новосибирске и Красноярске, и одно интервью с мамой из Красноярска, чья дочь уже закончила основную школу на семейном обучении.

Также проведен анализ статистических данных количества закончивших данный класс и переведенных в следующий класс по Новосибирской области, Красноярскому краю и стране в целом на начало 2017–2018 года (ЕИС Минобрнауки России).

Показано, что в ряде случаев ребенок формально находится / находился на заочной форме обучения, а не на семейной, что позволяет избежать ряда проблем, связанных с недостаточной проработанностью механизмов реализации права обучать ребенка вне школы. Согласно данным ЕИС Минобрнауки России в Новосибирской области оканчивали класс около 10 % «заочников» основной школы страны, по начальной школе — 21 %. В Красноярском крае соответствующие данные 1,35 % и 0,94 %.

Таким образом, можно выделить такие основные способы осуществления связи с системой образования:

- оформление заочного обучения, в том числе через организацию-посредник либо напрямую в школе, сотрудничающей с посредником. Причем в последних двух случаях могут быть выбраны дистанционные или заочные промежуточные аттестации, а школа может находиться в другом городе;
- прикрепление к школе в качестве экстерна для прохождения аттестации. В этом случае возможны три варианта: 1) сдавать ежегодно все промежуточные аттестации с переводом в следующий класс; 2) сдавать аттестации в удобном порядке и переводиться в следующий класс по мере сдачи всех предметов за данный класс, ускоряясь или задерживаясь с переводом; 3) отложить все аттестации до 9 класса. В последних двух случаях родители объясняют свой выбор информированностью о такой возможности и удобством для себя;
- текущие контакты со школой могут осуществляться через организацию-посредник или напрямую, во обоих случаях имеется куратор. Значимый способ решать текущие проблемы — информировать представителей школы о знании законодательства.

1. *Морозов Г. Б.* Экстернат как реальный инструмент получения образования: анализ федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» / Г. Б. Морозов, А. А. Садердинов, И. Н. Тулянкина // Педагогическое образование в России. 2014. № 3. С. 149–157.

2. *Поливанова К. Н., Любицкая К. А.* Семейное образование в России и за рубежом // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 72–80. URL: http://psyjournals.ru/files/86638/jmfp_2017_n_2_Polivanova_Lyubitskaya.pdf (Дата обращения 29.10.2017).

Научный руководитель — канд. биол. наук Е. А. Дорошева

**Образовательные практики в сети интернет:
кто, чему и почему учится онлайн**

Симоненко А.С.

Новосибирский государственный университет

Дистанционное образование с помощью интернета это новый формат обучения, который если не замещает, то точно дополняет традиционные формы получения образования. Так, любой человек может прослушать лекции преподавателей ведущих учебных заведений мира лишь при наличии собственной мотивации, интереса и доступа к Интернету. При этом его географическое положение, социальный статус, возраст или этническая принадлежность не ограничивают доступа к образовательным возможностям.

Можно выделить основные черты, делающие образование посредством интернета «выигрышнее» в сравнении с традиционным форматом обучения: возможность освежить полученные ранее знания, пройти обучающий курс в учреждении высокого статуса (не поступая в него, и без страха провала какого-то предмета), наличие интересного содержания курса, а также, в большинстве случаев, бесплатное участие. [1]

Благодаря вышеперечисленному, все больше людей обучаются онлайн, но в настоящее время только начинают проводиться исследования этой практики. Данное исследование направлено на выявление и описание оснований дифференциации образовательных практик в Интернете: кто, чему и почему учится онлайн?

Теоретический объект исследования — образовательные практики в интернете. В качестве предмета исследования выступают основания дифференциации образовательных практик в интернете. Цель исследования — выявить и описать основания дифференциации образовательных практик в Интернете. Эмпирическим объектом исследования являются индивиды, имеющие опыт обучения в сети Интернет.

Исследование отвечает на два основных вопроса. Первый — каковы мотивы обучения в сети Интернет? И второй исследовательский вопрос — как выбор обучающей программы дифференцирован в зависимости от социально-демографических характеристик «онлайн-студентов»?

Для достижения поставленной цели и ответа на исследовательские вопросы используются данные Еженедельного опроса «ФОМнибус» 31 августа — 1 сентября 2013 г. В ходе этого опроса рассматривается использование россиянами Интернета для получения новых знаний и умений, а также цели приобретения этих знаний и навыков, причины выбора Интернета как

образовательного пространства, предпочтения формата обучения (оффлайн или онлайн) и образовательного курса (как осуществляется выбор).

Данные опроса обрабатывались при помощи статистического пакета SPSS: использованы описательные статистики, различные методы исследования взаимосвязей, факторный анализ. На основе проведенных расчетов проанализированы особенности обучающихся в сети Интернет, структурированы мотивы онлайн-обучения, а также выявлены факторы, дифференцирующие образовательные практики в Интернете: личные мотивы слушателей, социально-демографические характеристики онлайн-студентов, наличие альтернативных образовательных возможностей (к примеру, возможностей обучения на рабочем месте и т. д.) и др.

1. *Jason P. H.* Learner motivation for MOOC registration and the role of MOOCs as a university 'taster' / Jason Paul Howarth, Steven D'Alessandro, Lester Johnson & Lesley White // *International Journal of Lifelong Education*. 2016.

Научный руководитель — канд. социол. наук О. Г. Ечевская

Страйкбольное движение города Казани как городская молодежная субкультура

А. Х. Мингалиев

Казанский (Приволжский) федеральный университет

В настоящее время продолжается процесс поиска идентичности среди молодежи, объединения людей соответственно их интересам и мировоззрению. Одним из подобных примеров, корреспондирующим с трансформацией роли и характера войны в современном мире, выступают разнообразные военно-спортивные игры, самым популярным из которых является страйкбол. Под страйкболом мы понимаем командную военно-спортивную игру с симуляцией реальных боевых действий на специальной территории с соблюдением установленных правил, где используется электропневматическое или работающее на сжатом газе оружие, стреляющее пластиковыми шариками без содержания в них красящих пигментов.

В качестве объекта исследования выступает страйкбольное сообщество города Казани. Цель — рассмотрение и изучение движения как одного из видов городских субкультур.

Насколько нам известно, страйкбол системно не рассматривался в рамках социокультурного научного исследования. Таким образом, настоящая работа является попыткой ввести в антропологическое исследовательское поле данное явление. Указанный характер работы предполагает дальнейшее углубленное и детальное изучение вопроса в рамках последующих исследований.

В работе был использован качественный метод сбора информации, предполагающий проведение глубинных интервью посредством личных встреч и социальных сетей. В качестве инструментария был составлен опросный лист (топик-гайд), содержащий пять тематических блоков вопросов: общие сведения, история личности в движении, хобби и увлечения, непосредственно вопросы по движению, индивидуальные и коллективные социально-мировоззренческие установки. Кроме того, использовался метод стороннего наблюдения на страйкбольной игровой площадке.

О высокой степени вовлеченности в движение свидетельствуют слова информантов о страйкбольной команде как об особом братстве, где каждый помогает и на игровой площадке, и в реальной жизни. Усвоенные императивы поведения страйкболисты сохраняют и в повседневной жизни, заводят в движении дружеские или профессионально-деловые связи.

Основная специфика движения в выраженном милитаризированном стиле, хорошей военно-физической подготовке участников (отработка навыков

стрельбы, полевой тактики, первой медицинской помощи), сильном коллективистском духе. Нередки случаи прихода в страйкбольное движение из-за намерений в будущем связать свою жизнь со службой в вооруженных силах или правоохранительных органах. Отдельно стоит отметить пришедших в страйкбол из поисковой деятельности.

Движение открыто для новых членов, не обозначая серьезных критериев к допуску. Однако информанты единогласно указывали адекватность как обязательный атрибут в психологическом состоянии новичка. Конкретнее под указанным информанты имели в виду способность новичка трезво оценивать свои физические и психические возможности, соблюдение честности в игре, готовность подчиняться приказам командиров, умение работать в команде и придерживаться установленных правил. Помимо личностных характеристик важнейшим критерием являются финансовые возможности, позволяющие купить обмундирование и оружие.

Информанты отмечают ежегодный рост численности членов движения. Рассказывая о своем приходе в движение, информанты отмечают, что узнали о страйкболе от однокурсников, коллег, друзей. Причем активными страйкболистами становятся и люди старше 30 лет, имеющие семью и детей.

Отношение участников движения к правоохранительным структурам спокойное, нейтральное. Внимание сотрудников полиции при прохождении досмотра привлекало электропневматическое оружие, практически неотличимое от образцов настоящего боевого.

Движение старается дистанцироваться от политических акций и мероприятий. Однако известны случаи участия страйкболистов в конфликте на юго-востоке Украины, что связывают с нивелированным чувством опасности вследствие частых тренировок.

Информанты отмечают общую широкую неосведомленность и малоинформированность населения о страйкболе, что может породить различные мифы.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно предположить, что страйкбольное движение Казани со своей иерархией, структурой, членством, сленгом, общими рекреационно-досуговыми практиками является одним из видов городских субкультур.

Научный руководитель — канд. истор. наук, доцент В. Е. Козлов

Экстремальный спорт в России: проблемы и пути развития

Д. Д. Машинцова

Новосибирский государственный университет

Экстремальные виды спорта — это виды спорта, связанные с риском для жизни. Современная молодежь любит рисковать, делать экстраординарные поступки и выделяться среди остальных больше, чем предыдущие поколения. Одним из способов проявления себя является экстрим. Это новый элемент молодежной культуры, набирающий популярность. Изучая экстремальные виды спорта, можно лучше понять молодежь, формирующую современное общество. Кроме того, экстрим необходимо исследовать из-за возможного причинения вреда здоровью.

В России развитию экстремального спорта не уделяют должного внимания даже при возрастающем интересе к такой деятельности. Прогресс достигается благодаря инициативе отдельных групп или лиц, на государственном уровне нет интереса к экстремальным видам спорта [2].

Россия обладает природными рельефами в виде гор, позволяющими улучшать экстремальную деятельность в области зимних видов спорта. Развитие экстремального спорта в России необходимо не только молодому поколению, которое все больше заинтересовано таким видом деятельности, но и экономике страны, так как совершенствование горнолыжных курортов позволит привлечь иностранных туристов и спортсменов, что приведет к экономическому росту регионов, в которых эти курорты расположены. Обратим внимание, что экстремальные виды спорта постепенно входят в программу Олимпийских Игр, что также указывает на необходимость развития экстрим-индустрии в нашей стране [1].

Конкретно для молодежи экстрим выступает способом приспособиться к жизни в изменяющемся мире [2]. Из предыдущей исследовательской деятельности в области экстремального спорта была получена информация о том, что «экстрим — это альтернативная версия физической культуры, которая нравится современной молодежи». Поэтому сегодня следует особое внимание уделять проблематике развития экстрима, потому что молодое поколение достаточно активно интересуется и формирует новую культуру.

Теоретический объект исследования — экстремальный спорт как социальный феномен современного общества. Предметом исследования являются факторы, способствующие и препятствующие развитию экстремального спорта в России. Цель исследования — выявить социально-экономические, культурные и политические факторы развития экстрима в России.

Таким образом, мы выделили несколько направлений, в которых проводится исследование. Важно уточнить, что спортсмены-экстремалы образуют особую субкультуру со своими правилами и обычаями. Один из методов исследования — глубинное интервью, которое позволит более подробно узнать об участниках этой субкультуры, установить причинно-следственные связи развития экстремальных видов спорта в России в отдельных регионах.

Задачи исследования связаны с включенностью экстремального спорта в контекст современной жизни, а именно: как сильно политика влияет на развитие экстрима в нашей стране, каковы особенности экстремальной субкультуры и насколько важно ее формирование для развития экстремального движения. Экстремальный спорт достаточно дифференцирован — есть доступные виды спорта (ими можно заниматься на улице) и требующие специальных условий. Есть ли связь между социально-экономическим положением индивида и его увлеченностью экстремальным спортом? Также в исследовании будет рассмотрен аспект развития экстремального спорта через проведение различных ивентов. Ярким примером является фестиваль Grelka, который ежегодно проходит в Горной Шории и представляет собой площадку, где различные бренды эффективно рекламируют себя на горнолыжном курорте.

В докладе представлены предварительные результаты анализа собранного материала: глубинные интервью со спортсменами экстремалами и с экспертами в области развития экстремальных видов спорта, анализ кейса Grelka, на примере которого видно, как работают выделенные в теоретической части факторы.

1. *Мельникова Н. Ю.* Экстремальный спорт на Олимпийских Играх // Экстремальная деятельность. № 1. 2015. С. 75–78.

2. *Тоноян В. Х.* Влияние экстремальных видов спорта на молодежное движение России // Власть. № 9. 2011. С. 33–36.

3. *Ямщиков Ю. Н.* Спорт в условиях глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. № 1. 2009. С. 159–162.

Научный руководитель — канд. социол. наук О. Г. Ечевская

Установка родителей о вакцинации

В. Д. Пшонко, Ю. А. Пшонко

Новосибирский государственный медицинский университет

В России функционирует система государственных мер по профилактике детских инфекций. Однако в настоящее время данная система подвергается критике со стороны не только медицинских работников, но и родителей. Родители имеют право прививать своих детей согласно национальному календарю обязательных профилактических прививок или отказаться от вакцинации под свою ответственность. Причины отказов зачастую кроются в огромном количестве ложной информации в СМИ и интернете, которой безоговорочно начинают доверять родители.

Цель исследования — изучить представление и отношение родителей к вакцинации как к методу профилактики детских инфекций.

Исследование проводилось с января по март 2017 года на базе ГБУЗ НСО «ККДП № 27». Объектом исследования стали посетители участкового педиатра. Методы исследования: контент-анализ, анкетирование. Анкета состояла из 15 вопросов. Вопросы затрагивали информированность родителей, их личное отношение к вакцинации, какими конкретно вакцинами привит их ребенок, вакцинируется ли ребенок дополнительно, как он переносит вакцинацию. Было опрошено 75 респондентов. Выборка носила случайный характер.

По результатам опроса 89 % респондентов вакцинируют своих детей согласно календарю обязательных прививок. 66 % родителей вакцинируют детей в поликлиниках, 23 % — в детских учреждениях (садах, школах), 3 % предпочитают вакцинироваться в частных клиниках. 49 % доверяют лечащим врачам и следуют их рекомендациям. У 100 % респондентов перед вакцинацией ребенка осматривает врач-педиатр. 48 % родителей получают исчерпывающее представление о процедуре, тогда как для 32 % родителей врач-педиатр поясняет основные эффекты от данной процедуры и возможные осложнения. 80 % респондентов считают, что вакцинация нужна для профилактики опасных заболеваний человека. 65 % родителей не вакцинируют своих детей дополнительно, помимо календаря обязательных профилактических прививок, остальные вакцинируют детей от вируса гриппа и клещевого энцефалита. 54 % родителей убеждены, что действие вакцин на организм вредное только при возникновении непредвиденных осложнений. 32 % считают действие вакцин полезным для организма ребенка. Из всех респондентов 9 % не вакцинируют своих детей вообще. Ни один из них не доверяет медикам в вопросах вакцинации: 30 % предпочитают научно-ме-

дицинскую литературу, 30 % черпают информацию из СМИ, и у 20 % родителей знания о вакцинации основаны на личном жизненном опыте. Каждый из 9 % отказавшихся родителей абсолютно убежден, что действие вакцин опасно для организма ребенка. Из них 71 %, считает, что вакцинация — метод мало изученный, приводящий к непредсказуемым последствиям. 14 % уверены, что это только бизнес компаний — производителей вакцин.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что большая часть родителей убеждена в необходимости вакцинации детей, доверяет мнению врачей и считает вакцинацию эффективным методом профилактики детских инфекционных заболеваний. Некоторые родители отказываются от вакцинации вообще. Прослеживается влияние СМИ на формирование ложных представлений и негативного отношения к данному методу. Большая часть родителей не считает нужным вакцинировать своих детей дополнительно. В связи с этим растет прослойка непривитых детей, что повышает риск возникновения вспышек детских инфекций. Необходимо усилить вопросы санитарно-просветительной работы, профилактических бесед с родителями.

Научный руководитель — канд. мед. наук, доцент В. В. Летягина

Стратегии преодоления социальной эксклюзии семей с детьми с расстройствами аутистического спектра

С. Г. Колупаева

Новосибирский государственный университет

Понятие социальная эксклюзия подразумевает множественную дискриминацию отдельных групп населения, касающуюся разных сфер жизни. Вопросы о социальной солидарности и разделении труда еще в конце девятнадцатого века затрагивал Э. Дюркгейм, который стоял у истоков зарождения теории социальной эксклюзии [2]. В конце двадцатого века начала формироваться концепция социального исключения, трансформировавшая взгляды на доступность ресурсов, правовую дискриминацию и социальную несправедливость в отношении людей с особыми потребностями.

В современном обществе все большее значение приобретает новая государственная политика, в которой в консенсусе существует толерантность, равный доступ к общественным благам, перспективы трудоустройства и развитие инклюзивной среды (например, идея «капитала разнообразия» по Т. Парсонсу [4]). Э. Гидденс считал, что социальное исключение обозначает градацию неравенства, но является механизмом, отделяющим некоторые группы людей от главного социального потока [1]. В сравнении с зарубежным опытом, в отечественной науке изучение феномена социальной эксклюзии началось значительно позже в работах таких исследователей как Ф. М. Бродкин, В. Корель, З. И. Калугина, С. В. Ярошенко, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.

Одной из групп, получающей все большее распространение и имеющей высокую вероятность формирования социальной эксклюзии, выступают люди с расстройством аутистического спектра и их семьи. С появлением в семье ребенка, страдающего данным расстройством, формируется ряд факторов риска формирования социальной эксклюзии.

Целью настоящего исследования являлось выявление на основе литературного анализа ряда психологических методик и проведения интервью факторов, предрасполагающих к формированию социальной эксклюзии семей, в которых воспитываются дети с РАС, выявление стратегий таких семей, которые способствуют включению их в жизнь общества или усугубляющих процесс социальной эксклюзии.

Среди первичных факторов риска, характерных для всех семей, где воспитываются дети с РАС, выделяются трудности социальной адаптации ребенка, сложности с поиском места в специальных образовательных и медицинских учреждениях, увеличение временной, финансовой, физиче-

ской нагрузки [3]. Необходимо отметить, что способность семей и самого ребенка с расстройством аутистического спектра находить оптимальные продуктивные пути решения возникающих трудностей определяет успешность преодоления социальной эксклюзии [3]. В то же время эффективная социальная эксклюзия в свою очередь становится ресурсом для дальнейшей адаптации.

Для успешного преодоления социальной эксклюзии важна скоординированная работа ближайшего семейного окружения ребенка с РАС и помощь ряда специалистов, выполняющих функцию поддержки при решении основных специфических задач такой семьи: воспитании, помощи установления с ребенком эмоционального контакта, обучении продуктивному мышлению в трудных жизненных ситуациях [3]. Также таким семьям важна поддержка благотворительных фондов и специализированных муниципальных проектов. О. С. Никольская и соавторы подчеркивают важность обмена практиками воспитания ребенка с РАС между семьями [3]. Также важным фактором является понимание сути коррекционного процесса как «постепенное осмысление вместе с ребенком каждодневной жизни, побуждение его к более активному взаимодействию, помощь в освоении им тех форм жизни, в которых эта активность может быть реализована» [3]. Следует отметить важность рефлексии родителей детей с РАС во время преодоления социальной эксклюзии, наличие различных ресурсов семьи, плотности ее сети контактов и психоэмоциональное состояние членов семьи.

1. *Астоянц М. С.* Социальная эксклюзия в современном российском обществе: социокультурный анализ / М. С. Астоянц. Ростов, 2007.

2. *Курмышева Л. К.* Эксклюзия как феномен жизни общества / Курмышева Л. К. // Психология, социология и педагогика. 2015. № 3. URL: <http://psychology.snauka.ru/2015/03/4491>. (Дата обращения: 12.12.2017).

3. *Никольская О. С.* Аутичный ребенок. Пути помощи / Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М. М.: Теревинф, 1997.

4. *Talcott Parsons.* The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: T. Parsons. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966.

Научный руководитель — канд. биол. наук Е. А. Дорошева

Изучение развития межсекторного социального партнерства в области социальной работы (на примере г. Якутска)

Э. Н. Седалищева

Северо-Восточный федеральный университет

им. М. К. Аммосова, г. Якутск

Социальная работа является особым видом профессиональной деятельности по реабилитации и интеграции человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации. В рамках решения проблемы к осуществлению социальной работы привлекаются социальные службы, органы государственной власти, а также частный сектор (некоммерческие организации и субъекты МСП). Последние имеют особую значимость в силу того, что они могут более быстро реагировать на социальную проблему.

Рассматривая НКО как элемент гражданского общества, следует отметить, что проявление социальной активности в области решения социальных проблем является основной миссией НКО. Нельзя не отметить деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства. Социальная ориентированность и вклад финансовых ресурсов бизнес-структур в решение социальных проблем положительно отражается на социальном благополучии общества. Исходя из этого, частный сектор является важным и ценным субъектом социальной работы. Однако стоит заметить, что самостоятельно каждый из них не может достичь полноценного успеха в своей деятельности, так как на это требуются большие усилия и затраты ресурсов. Для получения большего эффекта необходимо создание межсекторного социального партнерства, в рамках которого власть, общество и бизнес сотрудничают вместе для преодоления социальных проблем общества.

В г. Якутске практика социального партнерства осуществляется посредством организации общественных слушаний, круглых столов, конкурсов на получение субсидий для частного сектора, а также совместной деятельности по реализации инновационных социальных проектов. Однако достаточно ли развито межсекторное партнерство? Для ответа на поставленный вопрос нами было предпринято изучение развития социального партнерства в области социальной работы. В рамках данного исследования нами был проведен опрос для выявления отношения представителей НКО, бизнеса и граждан к развитию межсекторного социального партнерства в области социальной работы. Объектом исследования являются 11 представителей некоммерческих организаций, 4 представителя бизнеса и 120 граждан г. Якутска.

По итогам опроса были выявлены следующие результаты. При решении социальных проблем большее количество представителей НКО (55 %) пред-

почитают сотрудничать с органами власти, нежели с бизнесом. Представители бизнеса предпочитают в равной мере сотрудничать со всеми партнерами (100 % опрошенных). 82 % представителей НКО сотрудничают с властью через участие в конкурсах на получение субсидий, в переговорах, форумах и в совместной реализации социальных программ (с бизнес-структурами через данный механизм партнерства сотрудничают 45 % НКО). 100 % опрошенных бизнеса сотрудничают с НКО и властью также посредством реализации социальных программ. Эффективность партнерства в решении социальных проблем с органами власти большинство НКО (45 %) оценило на «отлично», с бизнесом — на «удовлетворительно» (36 %). Большее количество респондентов бизнеса оценило эффективность с властью (50 %) и НКО (75 %) на «отлично».

Среди граждан о межсекторном социальном партнерстве осведомлено 78 % опрошенных. К действиям органов власти и государственных учреждений, направленных на решение социальных проблем населения, 47 % респондентов относятся нейтрально. По мнению граждан, НКО и бизнес несомненно должны участвовать в решении социальных проблем общества. Такой выбор предпочли 86 % опрошенных. Большее количество граждан (36 %) оценило эффективность реализации межсекторного социального партнерства на «удовлетворительно».

Таким образом, изучение развития межсекторного социального партнерства в области социальной работы на примере г. Якутска показало, что партнерство имеет положительные и отрицательные факторы развития. Взаимодействие представителей НКО с бизнес-структурами имеет слабую выраженность, что непосредственно негативно сказывается на эффективности партнерства, следовательно, на эффективности решения социальных проблем. Такую же оценку предпочли граждане г. Якутска. Также необходимо налаживать партнерство между представителями НКО и бизнеса через участие в переговорах, форумах. Данное явление позитивно отразится на укреплении взаимовыгодных отношений. Среди положительных факторов отмечается высокий уровень информированности о социальном партнерстве в обществе. Граждане г. Якутска поддерживают привлечение частного сектора к решению социальных проблем и считают, что благодаря их участию повысится уровень социального благополучия граждан и статус социальной работы.

Научный руководитель — канд. психол. наук А. П. Макарова

Избиратель-2018: экономический портрет

К. О. Трушина

Новосибирский государственный университет

В нашей стране особенности политического поведения обусловлены двумя основными факторами: во-первых, отсутствием богатого опыта политического участия и влиянием социальных групп на процесс принятия политического решения; во-вторых, процессом модернизации и его влиянием на все общество. Значительная часть населения выбирает в качестве политической модели поведения абсентеизм, другая же часть, напротив, предпочитает активно участвовать в политической жизни страны.

К сожалению, экономическая ситуация в России складывается не лучшим образом — кризисные явления, санкционные запреты, девальвация рубля дают о себе знать, отражаясь на благосостоянии граждан (об этом говорят достаточно высокие налоги, повышающиеся год от года для разных категорий граждан, низкий уровень заработной платы у основной части населения и довольно ощутимый процент бедных, наличие безработицы и т. п.). И даже несмотря на то, что, по мнению многих аналитиков, в 2018 году российскую экономику ждет медленный, но верный рост, восстановление уровня жизни населения займет не один год. Таким образом, нестабильная экономическая ситуация может стать движущей силой, которая поменяет политическую расстановку сил или же, напротив, приведет к «застоявшейся» стабильности. Кроме того, в России «период становления демократической государственности далеко еще не завершен, и поэтому теоретический инструментарий для описания реальности требует постоянной «настройки»» [1].

Самая яркая оппозиционная фигура в лице Алексея Навального не стоялась в качестве кандидата на выборах президента РФ 2018, хотя за время самовыдвижения Навальный обрел достаточное количество сторонников, которые теперь, при потере своего кандидата, вынуждены выбирать другие варианты электорального поведения — либо голосовать за другого кандидата, либо не голосовать вовсе. Для нас интересно проследить связь экономических характеристик избирателя и его выбора, определив таким образом портрет избирателей, голосующих за тех или иных кандидатов в современных условиях условно ограниченного выбора (отсутствие явной оппозиции). В этом, а также в том, что сейчас наблюдается неконтролируемый рост радикализма и хаотизации всего выборного процесса как такового [2], и заключается актуальность нашего исследования.

Объектом нашей работы выступает электоральное поведение, в качестве предмета мы рассматриваем экономические характеристики избирателя.

Так как в нашем исследовании мы обращаемся к экономическим характеристикам избирателей, для нас важно определить их границы. К ним мы отнесли вид занятости избирателя, его субъективное и объективное материальное положение, удовлетворенность течением дел в стране (в том числе и экономическим положением государства), удовлетворенность собственной жизнью. Цель нашей работы — построить портрет избирателя-2018.

По результатам первой волны массового онлайн-опроса (который был проведен еще до публикации списков реальных кандидатов выборов в президенты), в результате которого было получено свыше 650 ответов от респондентов, мы выяснили, что среди готовых поддержать оппозицию в лице Алексея Навального присутствуют как избиратели с низким доходом, так и с высоким (по результатам второй волны мы сможем посмотреть, какой выбор сделают данные избиратели при отсутствии своего кандидата); при этом среди избирателей, поддерживающих В. В. Путина, больше всего людей со средним доходом, считающим, что через год они будут жить либо так же, либо несколько лучше (что может говорить о полном доверии данной доходной категории нынешнему президенту); К. А. Собчак не готовы поддерживать избиратели с высоким доходом; среди тех, кто поддерживает взгляды В. В. Жириновского, больше тех, кто считает, что через год они будут жить значительно хуже (что может говорить о пессимистичном взгляде по отношению к нынешней власти страны). Избиратели с высоким доходом соглашались с тем, что дела в стране идут в правильном направлении, в отличие от избирателей с низким доходом (таким образом на данном этапе мы можем косвенно подтвердить одну из наших гипотез — избиратели с высокими доходами будут голосовать за кандидата в этот момент находящегося у власти, чтобы сохранить свое стабильное положение).

Для подтверждения вышеуказанных данных и формулировки окончательных выводов, подтверждающих или опровергающих поставленные нами гипотезы, нами будет проведен экзит-полл (18 марта), а также вторая волна массового онлайн-опроса.

1. Федоров В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М., 2010. 110 с.

2. Чернышов А. Г. Выборы и электорат: новый тип избирателя в условиях ритуальной демократии // Власть. 2018. № 2. С. 31.

Научный руководитель — канд. социол. наук, доцент К. В. Малов

**Экзит-полл как метод сбора информации: возможности,
ограничения, пути совершенствования
(на примере выборов президента Российской Федерации 2018 г.)**

Е. В. Погребняк

Новосибирский государственный университет

Метод экзит-полл, или так называемый «опрос на выходе», широко применяется при проведении исследований в день голосования и является неотъемлемой частью большинства избирательных компаний. Он позволяет узнать наиболее вероятный исход выборов еще до официальной публикации результатов, служит способом контроля итогов голосования, а также с его помощью можно узнать информацию об избирателях той или иной партии. Главной отличительной особенностью метода экзит-полл от уличного массового опроса является то, что респондент говорит о своем участии в событии, которое случилось совсем недавно, т. е. он еще не забыл деталей произошедшего, а также не подвергся влиянию мнения окружения или, например, средств массовой информации относительно предмета исследования. В это же время стоит отметить, что традиционные социологические опросные методы не дают точных результатов и предсказаний. Однако такой метод сбора первичных данных, как экзит-полл, помимо преимуществ имеет ограничения и проблемы, которые не позволяют добавить его в активный инструментальный арсенал исследователя. Появляется необходимость «усовершенствования» метода, разработки рекомендаций по минимизации его ограничений.

С. В. Львов отмечает такие ограничения метода, как склонность респондентов давать социально одобряемые ответы, утрирование или осторожность в своих оценках из-за эмоционального фона, который сохранился после контакта с предметом исследования. Кроме того, автор говорит о возможной недостаточности наблюдений из-за скоротечности события и его привязки к определенному месту и времени, объеме инструментария, аналогичном с уличным опросом, и возможностью получить стихийную выборку [1]. Ограничением, на котором сделан акцент в данной работе, является большая доля отказов от участия в экзит-полле. Это не позволяет «опросу на выходе» корректно выполнять свои функции. Помимо таких возможных причин отказов, как недоверие, незаинтересованность, мысли, что все куплено, непонимание, зачем это вообще нужно, могут быть и процедурные несовершенства сбора информации. Таким образом, данное исследование ориентировано на разработку принципов, направленных на усовершенствование методики проведения экзит-полла, которая окажет воздействие на качество получаемых данных.

Итак, объектом данного исследования является экзит-полл как метод сбора первичной информации. Замысел работы заключается в разработке техники минимизации отказов от участия в экзит-полле, причины которых выявлены с помощью иного социологического метода сбора информации.

Для того чтобы узнать причины отказа избирателей от участия в экзит-полле, в течение января 2017 года был проведен интернет-опрос, в котором задавался следующий вопрос: «Почему, по Вашему мнению, люди не отвечают на экзит-полле, за кого они проголосовали?». Ответы распределились следующим образом:

- думают, что полученную информацию могут использовать против них (52,4 %);
- считают, что говорить, за кого они отдали голос, является их «личным делом» (46,1 %);
- не понимают, зачем у них спрашивают эту информацию (33,7 %);
- не доверяют такому способу сбора информации (27,7 %).

Полученные данные позволяют сделать вывод о некотором страхе и недоверии респондентов, которые и увеличивают долю отказов. В связи с этим появляется необходимость разработать такую «новую» технику сбора информации, которая бы минимизировала рассматриваемое ограничение.

Эта техника заключается в следующем: интервьюер дает респонденту анкету на самозаполнение, в которой ему необходимо указать как выбранного кандидата, так и некоторые демографические, социальные, политические и экономические характеристики. Заполнение занимает небольшое количество времени. Затем избиратель бросает анкету в «урну», что позволяет соблюсти анонимность. Кроме того, интервьюер фиксирует пол и возрастную группу тех, кто отказывается от участия в экзит-полле.

Таким образом, проведение исследования с использованием разных техник на нескольких избирательных участках позволило сделать вывод о том, меняется ли доля отказов в зависимости от вида инструментария, а также разработать рекомендации по усовершенствованию метода экзит-полл.

1. Львов С. В. Опросы на выходе: перспективы метода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 4 (104). С. 42–46.

Научный руководитель — канд. соц. наук К. В. Малов

Абсентеизм в России: формы и факторы (на примере выборов президента РФ в 2018 году)

А. А. Литвиненко

Новосибирский государственный университет

На сегодняшний день число абсентеистов (людей, не голосующих на выборах) в РФ составляет не менее половины всех граждан страны. Так, явка избирателей на выборах президента России в 2012 году составила 65,34 %. Кроме того, в изучении абсентеизма есть и теоретические пробелы: это явление понимается исследователями по-разному. Для одних теоретиков абсентеизм — пассивность на выборах и в повседневной политической жизни, для других — приход на выборы даже против воли. Также далеко не все рассматривают абсентеизм как пропуск выборов вкупе с наличием политической активности. До сих пор не выявлено глубинное понимание причин абсентеизма, не изучена или мало изучена степень влияния на него косвенных факторов (погода, дальность избирательного участка) и их взаимодействие с прямыми.

Еще один важный момент — изучение новой реальности на выборах 2018 года. Лидер оппозиционного движения России — Алексей Навальный — продвигает среди своей аудитории так называемую забастовку избирателей. Ввиду того что по одной из гипотез абсентеизм является протестным поведением, данная ситуация может выступать фактором, влияющим на рост абсентеизма.

Абсентеизм нередко относят к политическому либо электоральному поведению. Под политическим подразумеваются как действия отдельных участников, так и массовые выступления — т. е. любая деятельность в политической сфере [1]. Одной из форм политического поведения является электоральное — деятельность для выбора той или иной политической силы [2]. В связи с этим мы относим абсентеизм к формам электорального поведения, поэтому абсентеизм как форма электорального поведения и является объектом нашего исследования.

Для его изучения мы составили структурную схему работы, где отметили влияние ряда факторов (движущих сил, явлений) на появление абсентеизма: косвенных и прямых. Эти факторы являются толчком к мотивации абсентеистов (как совокупности причин, побуждающих принять конечное решение): будь то недоверие к системе, разочарование в ней из-за специфики страны или бойкот из-за недовольства кандидатами.

Мы также разделили абсентеизм на несколько видов: по частоте (регулярный, частый и (для исключений) случайный) и степени активности. Ак-

тивный подразумевает, например, бойкот голосования, непринятие выборов вкупе с интересом к политике, пассивный же — отсутствие интереса и пассивность по отношению к процессу голосования.

Таким образом, цель нашего исследования — изучить мотивацию абсентеизма на примере выборов президента РФ 2018 года. Для этого мы провели анализ литературы, после чего сделали вторичный анализ данных на основе панельного социологического исследования ВЦИОМ относительно политической жизни страны и выборов в Государственную думу 2011 года и президента РФ 2012 года. В результате мы построили гипотезы для изучения поведения и мотивации абсентеистов на выборах 2018 года. Они будут проверены при помощи массового онлайн-опроса до, во время и после выборов президента РФ.

На данный момент мы уже провели первый этап, получив более 800 ответов от респондентов (половина из которых оставили свои контакты для участия в панельном опросе), из них около 125 человек — предполагаемые абсентеисты. Выяснилось, что и в 2012 году, и в 2018 году наблюдается перевес по полу среди голосующих: на президентские выборы приходит больше женщин. Интересно, что потенциальных абсентеистов (как и в 2012 году) больше всего наблюдается среди обеспеченных слоев населения: те, кто зарабатывают от 100 тысяч и выше, видимо, не хотят что-либо менять. В основном решения предполагаемых абсентеистов постоянны: люди, предположительно пропускающие выборы в 2018 году, не голосовали и в 2012 году.

В большинстве потенциальные абсентеисты-2018 предпочли бы не ходить на выборы любого уровня, но при этом они охотнее выбирают поход на выборы любого масштаба — кроме президентских. При этом гораздо больше голосующих готовы пропустить выборы из-за болезни, а вот для абсентеистов эта причина не самая важная. Кроме того, потенциальные абсентеисты, как и голосующие, в равной степени занимались какой-либо политической деятельностью, будь то подписание петиций или участие в политических дебатах. В основном они не голосуют не из-за отсутствия интереса к выборам, а из-за недоверия к процессу и недовольством кандидатами.

После выборов в марте 2018 года будет проведена заключительная часть опроса для уточнения и актуализации полученных данных.

1. *Шестонал Е. Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000. 123 с.

2. *Выборы во всем мире: электоральная свобода и общественный прогресс* / авт. и сост. А. А. Танин-Львов. М.: Электоральная статистика, 2001. 1112 с.

Научный руководитель — канд. социол. наук, доцент К. В. Малов

Идейно-политические предпочтения как фактор электорального поведения россиян (на примере выборов президента РФ в 2018 году)

А. Е. Гуляшова

Новосибирский государственный университет

Электоральное поведение — категория политического поведения, определяемая как форма проявления политического поведения граждан по поводу делегирования своих полномочий [1]. По данным Интернет-опроса, проведенного в рамках первого этапа исследования, 80 % респондентов (490 человек) планируют принять участие в голосовании в день выборов президента РФ 18 марта 2018 года. Предпочтения идейно-политического характера, как некоторый элемент установок в отношении принципов построения политического управления, может играть определенную роль при формировании мнений электората о кандидатах на пост президента и их потенциале в период предвыборной кампании, и возможно, определять конечный выбор.

Объектом исследования является электоральное поведение россиян, а предметом — идейно-политические предпочтения как фактор электорального поведения россиян. Цель исследования заключается в выявлении влияния идейно-политических предпочтений на электоральный выбор россиян.

Операционализируя понятие «идейно-политические» предпочтения, следует отметить, что понимание термина «идеология» складывается из разных компонентов, но, говоря в целом, представляет собой совокупность идей, способных объединять людей, связывать их действия и нормы поведения с определенными мировоззренческими установками. Идеологические предпочтения включают в себя несколько больших блоков — политические установки и политическую идентификацию.

Основная гипотеза исследования строится на предположении, что электоральное поведение россиян выстраивается в соответствие с основными идейно-политическими течениями (коммунизм, социал-демократия, либерализм, капитализм, консерватизм, национализм), наиболее предпочтительными из которых с большей вероятностью являются социал-демократия, коммунизм и либерализм, что выражается в электоральном выборе того кандидата, программа которого в большей степени соответствует обозначенным идеям.

Для проверки основной гипотезы исследование разделено на три этапа:

- 1 этап — проведение первой волны Интернет-опроса в начале регистрации кандидатов на пост президента РФ, получение первичной информации;

- 2 этап — анализ предвыборных программ, выступлений кандидатов на пост президента РФ, выделение основных идей в период проведения избирательных кампаний;

- 3 этап — проведение второй волны Интернет-опроса после выборов президента РФ в рамках реализации техники панельного опроса.

Данные первой волны опроса демонстрируют явное положительное отношение к идеям либерализма, чуть меньше — к идеям социал-демократии и капитализма. Так, в качестве отдельных элементов социального портрета можно отметить, что в большинстве случаев граждане, положительно оценивающие идеи либерализма, абсолютно не согласны с выбранным курсом решения дел в стране, считают необходимым проведение новых реформ, несмотря на возможные риски. Они были готовы отдать свой голос на предстоящих выборах за А. А. Навального. Также наблюдается сходство в оценках политических установок в отношении значимости выборов, но нельзя не отметить тот факт, что респонденты в достаточной степени рассматривают выборы в качестве своего гражданского долга. Политическая идентификация (партийная и с политическими лидерами) как элемент идеологических предпочтений совпадает с предполагаемым электоральным выбором, но происходит перераспределение голосов электората ввиду отсутствия некоторых политических лидеров в избирательном бюллетене.

Таким образом, измерение в разные периоды времени дает возможность выявить изменение или устойчивость предпочтений идеологического характера, оказывающих влияние на поведение электората, а также на конечный выбор.

1. *Охременко И. В.* Электоральное поведение: теория вопроса / И. В. Охременко : учеб. пособ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. С. 18–19.

Научный руководитель — канд. социол. наук, доцент К. В. Малов

Стратегии ответственного потребления как проявление экологической культуры

А. Ю. Лукоянова, Д. Г. Чухрова
Новосибирский государственный университет

В современном мире экологические проблемы имеют глобальный масштаб. Взаимодействие человека и природы приводит к появлению экологических отпечатков (ecological footprint): выбросы заводов и выхлопы автомобилей влияют на состояние атмосферы и несут угрозу здоровью; мусорные свалки, занимающие огромные площади, нарушают экологические системы на месте своего расположения; происходит истощение природных ресурсов и вымирание животного мира [1].

Несмотря на то, что экологические проблемы глобальны, каждый человек причастен к их воспроизводству [2]. В некоторых развитых странах уже пришло осознание личной ответственности каждого, распространены и институционализированы практики ответственного потребления, такие как безопасная утилизация экологически вредных веществ, отдельный сбор мусора с последующей переработкой и вторичным использованием в производстве товаров и т. д.

В России же на сегодняшний момент ответственное потребление свойственно незначительному числу людей, вероятно, ввиду отсутствия для этого институциональных условий: только 5 % граждан прилагают усилия для минимизации вреда экологии [3]. По данным опроса ФОМ, репрезентирующего население страны, в обществе наблюдается достаточно высокий уровень обеспокоенности относительно экологической обстановки (56,6 % респондентов) [4]. Однако реальные практики ответственного потребления слабо распространены.

Для данного исследования наиболее важным является то, как люди в не располагающих к ответственному потреблению условиях все-таки его практикуют, что ими движет, как возникают и развиваются новые для наших социокультурных условий формы ответственного потребления, как развивается деятельность инициаторов подобной деятельности и т. д.

Объектом нашего исследования является ответственное потребление, которое предполагает не только процесс потребления от покупки до использования, но и последующую утилизацию товара.

Предметом исследования являются стратегии ответственного потребления, под которыми мы подразумеваем мотивы, ресурсы, действия, цели и способы приобщения к практикам ответственного потребления. Вопросами исследования являются: чем руководствуются люди и представители экологи-

ческих организаций, выбирая такую стратегию; какие цели перед собой ставят; какие действия предпринимают для поиска информации об институционализированных в разной степени способах ответственного потребления; что конкретно делают для минимизации наносимого окружающей среде вреда; как они узнают о таких практиках при условии низкой распространенности информации экологической тематики. Чтобы ответить на вопросы, поставленные в рамках данного исследования, мы обращаемся к опыту индивидов, для которых характерны практики ответственного потребления, а также к тем, кто является инициатором подобных практик и способствует развитию экологической культуры по месту своего жительства.

Таким образом, нашей целью является выявление комбинаций факторов и элементов стратегий участия индивидов в ответственном потреблении. Мы выдвигаем гипотезу о том, что, вероятнее всего, на выбор одной из стратегий ответственного потребления влияет наличие по месту проживания различных инициатив, целью которых является популяризация практик ответственного потребления, например, бесплатное предоставление баков для сортировки мусора и дальнейшей его утилизации.

Информационную базу исследования составили данные полуструктурированных интервью с людьми, иницирующими и практикующими ответственное поведение.

В результате исследования были выявлены и описаны стратегии ответственного потребления, определены факторы, которые влияют на выбор той или иной стратегии, а также способы приобщения к различным формам ответственного потребления.

1. Трубина Е. Г. Город в теории: опыт осмысления пространства / Е. Г. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 519 с.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

3. Экономия поддерживает экологию. URL: <https://iq.hse.ru/news/177664456.html>. (Дата обращения 21.11.2017).

4. Экология. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/13693>. (Дата обращения 21.11.2017).

Научные руководители —
канд. социол. наук, доцент Н. Л. Мосиенко, С. В. Коржук

Экологические практики студентов: составляющие элементы и их соотношение (на примере г. Новосибирска)

Е. С. Шахворостова

Новосибирский государственный университет

По мнению Г. И. Попова, современный человек, как и много лет назад, относится к окружающей среде и природным ресурсам потребительски. Автор подчеркивает, что это происходит несмотря на существование общей тенденции к здоровому образу жизни и всеобщему стремлению к проживанию в экологически чистых зонах. Согласно последним подсчетам, около трех четвертей всех потребленных человеком природных богатств были израсходованы им в постиндустриальный период [1]. Т. е. несмотря на кажущиеся продвижения в экологической политике, человечество в целом так и не научилось рационально взаимодействовать с системой природы. Таким образом, вопрос о формировании у современных людей представлений о проблемах окружающей среды встает особенно остро.

Особый интерес представляет экологическая культура студенческой молодежи больших городов. Это подчеркивает тот факт, что в соответствии с данными исследования «ISSP 2010. Экология III», более 50 % жителей больших городов малоактивны в действиях по сохранению окружающей среды, хотя именно для них этот вопрос наиболее актуален [2]. При этом молодежь больших городов убеждена, что состояние окружающей среды не оказывает никакого непосредственного воздействия на состояние здоровья населения (так считают 61 % опрошенных россиян в возрасте до 30 лет) [2].

О низком уровне экологической нравственности, выражающейся в том, что проблемы окружающей среды не считаются актуальными среди российской молодежи, говорит и тот факт, что при практически полном отсутствии стремления к действиям среди молодых людей наиболее велика доля тех, кто считает, что они легко могли бы помочь окружающей среде (55 %) [2]. Выходит, что возможность заботиться об экологии у молодых людей, а вот, времени, желания или знания о том, как действовать — нет. Именно этот факт послужил формулированию следующей цели исследования: выявлению экологических практик студенческой молодежи города Новосибирска и анализу соотношения их элементов.

Экологическими практиками вслед за М. В. Рыбаковой в данной работе были названы все индивидуальные социальные практики в системе взаимодействия человека с окружающей биологической средой [3].

Составляющими этого явления, согласно идеям ранее упомянутого автора, являются три элемента:

– когнитивный, отражающий «рациональные представления о человеке, о биосфере, о сути взаимодействия человека с окружающим миром, о возможных рисках и об основах безопасного поведения в природной среде» [3];

– ценностно-мотивационный, или тот, что является следствием принятия общественных норм и представлений о «должном» взаимодействии с природой. Этот элемент предполагает формирование устойчивых мотивов и приемлемых форм поведения в экологических практиках [3];

– поведенческий, или эмоционально-деятельностный, «который связан с применением на практике приобретенных знаний» [3].

Практика возможна только в условии одновременного существования всех трех перечисленных элементов, неразрывно связанных друг с другом.

Экологические практики представляют собой проявление усвоенных норм, их воплощение в сознании определенного человека, его ценностной иерархии и практических действиях.

Выявление и анализ соотношения элементов практик экологического поведения студенческой молодежи города Новосибирска позволяют определить, каков уровень экологической культуры современных новосибирских студентов, что они думают об экологических проблемах своего города и региона. Кроме того, такое исследование поможет узнать, как молодежь взаимодействует с окружающей их природой в повседневной действительности, стала ли забота об экологии чем-то рутинным для представителей студенческого сообщества. Какая часть молодежи наиболее вовлечена в положительные экологические практики, и что конкретно эти практики из себя представляют, какие элементы требуют внимания со стороны тех, кто занимается разработкой экологической политики.

1. *Попов Г. И.* Экологический дисбаланс и его социальные последствия / Г. И. Попов, Э. А. Абгарян, М. М. Крылова // *Власть*. 2012. № 7. С. 97–98.

2. Единый архив экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3839&T=m (Дата обращения: 21.01.2018).

3. *Рыбакова М. В.* Социальные экологические практики: состояние и система взаимодействия: дис... д-ра социол. Наук : 22.00.04 / М. В. Рыбакова. М., 2010. С. 40–43.

Научный руководитель — П. Е. Лаврусевич

Экопотребление и энвайронментализм — современные реалии

В. С. Ожогова

Алтайский государственный университет

Мы живем в условиях общества консьюмеризма. Манипуляции со стороны производителей товаров неизбежно влияют на потребителей, но помимо поддерживающих реакций со стороны вторых появляются и протестные, альтернативные. Наряду со всеми альтернативными практиками потребления, вернее, в противовес им, стоит модель экопотребления.

Проблемы взаимодействия окружающей среды и общества за последние десятилетия становятся все более актуальными. Это можно проследить и по увеличению экотоваров на прилавках, а также научной информации на тему этичного потребления в последние годы (большая часть статей и монографий датированы 2010–2017 гг.).

На сегодняшний день подходы к определению «зеленого» (экологичного / этичного) потребления неоднозначны. Главная его особенность в том, что экологичное потребление должно смягчить негативные последствия консьюмеризма. Каким образом и какой ценой нам это удастся? Ответы на эти вопросы разнятся от радикальных призывов об отказе от многих форм потребления (возможно, приобретающем утопичный характер с учетом заинтересованности некоторых групп в потреблении нефти и бензина) до реформистских идей, провозглашающих умеренное потребление в сочетании с альтернативным. Таким образом, данная тема имеет большую актуальность, и за переходом к экологической концепции многие исследователи видят будущее нашей планеты.

Вторичный анализ исследований позволил вычленил следующие особенности экопотребления.

1. Для российской молодежи, как и для всего населения, характерен патернализм в экопотреблении (как рудимент советской эпохи). Для американцев, давно живущих в условиях более развитого гражданского общества, характерна опора на собственные силы.

2. Люди, которые убеждены в том, что могут оказывать влияние на процесс принятия решений в области окружающей среды, демонстрируют более высокий уровень как экологического поведения, так и экологического активизма.

3. Экопотребление становится доступным лишь населению с высоким уровнем достатка.

4. Стиль поведения российских мужчин и женщин близок к моделям «эко-центрика» и «эко-эконома», более значимы польза для здоровья и воз-

возможность экономии ресурсов, чем абстрактное благополучие планеты и работа об экологии.

5. Международные спортивные события повышают ценности здоровья как капитала и внедряют экопрактики в городах-хозяевах, их проводящих (пример Универсиады 2013 г., Казань).

6. Существуют и активно развиваются практики гринвошинга — позиционирования компании или товара как экологичных без достаточных на то оснований.

7. Если ранее основными источниками социального неравенства считали пол и расу, то сейчас таковыми являются образцы потребления.

8. Противоречиво отношение к вопросу об экологической обстановке, есть исследователи (например, Д. Л. Лопатников), которые видят не ухудшение экологической ситуации, а лишь ее усложнение, в силу чего, по мнению ученого, появляются экотренды.

В докладе будут представлены эмпирические данные, полученные нами в ходе исследования, проведенного в городе Барнауле.

Анализ результатов четырех фокус-групп, проведенных нами со студентами Алтайского государственного университета, а также вторичный анализ данных других исследований позволили выделить следующие особенности:

- в последние годы развиваются практики, опосредованно влияющие на экологию. Таковыми являются бартерные ярмарки, площадки для обмена вещами. Эти практики позволяют продлить срок использования некоторых товаров, не позволяя им попасть на свалку и не стимулируя потребность в производстве нового товара;

- некоторые компании стимулируют экопотребление, призывая покупателей к переработке ненужных вещей (компания «Н&М»);

- в России большинство людей еще не готово к раздельному сбору мусора, они не руководствуются экологической составляющей в ходе потребления;

- существуют прецеденты продажи экологически чистой продукции в неэкологичной упаковке;

- существуют практики выращивания «экологически чистой» продукции рядом с экологически загрязненными зонами (полигонами, свалками). Т. е. соблюдаются не все критерии экологичности при производстве товара;

- пытаюсь найти экологичную продукцию, некоторые городские жители покупают у местных фермеров и садоводов товары, не прошедшие проверки. Такие товары могут принести вред покупателю;

- выявлена проблема неосведомленности покупателей о существующих экомаркировках.

Научный руководитель — канд. социол. наук, доцент Я. Э. Меженин

Указатель авторов

Алексеев С. А.	50	Ненашева А. Ю.	42
Аникеева У. В.	22	Носкова П. А.	12
Басина П. А.	28	Ожогина В. С.	91
Береснев А. И.	26	Пискунова А. Е.	32
Бородихина И. А.	54	Погребняк Е. В.	81
Брызгина Д. Е.	8	Проноза С. В.	65
Васильева А. А.	24	Пшонко В. Д.	73
Воронцова К. Б.	48	Пшонко Ю. А.	73
Гуляшова А. Е.	85	Руш О. А.	18
Зубарева А. И.	60	Рябова М. А.	5
Казак К. В.	20	Рябушкин Н. Н.	56
Калашникова К. Н.	30	Седалищева Э. Н.	77
Каткова А. М.	46	Сергеева А. А.	58
Ким М. Д.	56	Сероштантова Ю. С.	14
Колупаева С. Г.	75	Сиделева А. Е.	52
Крылов Д. Д.	44	Симоненко А. С.	67
Литвиненко А. А.	83	Сорокин С. В.	38
Лукоянова А. Ю.	87	Трушина К. О.	79
Маковецкая О. С.	62	Чубаров В. А.	10
Мальцев М. А.	34	Чухрова Д. Г.	87
Машинцова Д. Д.	71	Шабалин А. П.	36
Мингалиев А. Х.	69	Шахворостова Е. С.	89
Михайлова Т. В.	40	Юферова Н. Л.	16

Оглавление

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Рябова М. А.	5
Брызгина Д. Е.	8
Чубаров В. А.	10
Носкова П. А.	12
Сероштантова Ю. С.	14
Юферова Н. Л.	16
Руш О. А.	18
Казак К. В.	20
Аникеева У. В.	22
Васильева А. А.	24
Береснев А. И.	26

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ И ВИРТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Басина П. А.	28
Калашникова К. Н.	30
Пискунова А. Е.	32
Мальцев М. А.	34
Шабалин А. П.	36
Сорокин С. В.	38
Михайлова Т. В.	40
Ненашева А. Ю.	42
Крылов Д. Д.	44
Каткова А. М.	46
Воронцова К. Б.	48
Алексеев С. А.	50

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Сиделева А. Е.	52
Бородихина И. А.	54
Рябушкин Н. Н., Ким М. Д.	56

Сергеева А. А.	58
Зубарева А. И.	60
Маковецкая О. С.	62
Проноза С. В.	65
Симоненко А.С.	67
Мингалиев А. Х.	69
Машинцова Д. Д.	71
Пшонко В. Д., Пшонко Ю. А.	73
Колупаева С. Г.	75
Седалищева Э. Н.	77
Трушина К. О.	79
Погребняк Е. В.	81
Литвиненко А. А.	83
Гуляшова А. Е.	85
Лукоянова А. Ю., Чухрова Д. Г.	87
Шахворостова Е. С.	89
Ожогина В. С.	91

Научное издание

МНСК-2018

СОЦИОЛОГИЯ

Материалы

56-й Международной научной студенческой конференции

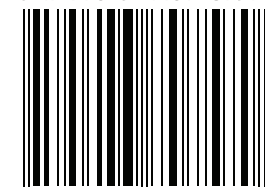
22–27 апреля 2018 г.

Корректор *Я. О. Козлова*
Верстка *А. С. Терешкиной*
Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 20.04.2018 г.
Формат 60 × 84/16. Уч.-изд. л. 6. Усл. печ. л. 5,6.
Тираж 100 экз. Заказ № 87.
Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

Секция
СОЦИОЛОГИЯ

ISBN 978-5-4437-0757-0

9 785443 707570

N* Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

